

Дарья
Галыгина

Свельый вагон
невест

дамские приколы

Дарья Калинина

Целый вагон невест

«ЭКСМО»

Калинина Д. А.

Целый вагон невест / Д. А. Калинина — «Эксмо»,

Жених по переписке из Германии оказался действительно богатым человеком. Правда, немного «подержанным» и староватым. Но зато повел себя как истинный джентльмен: на случай своей смерти составил завещание исключительно в пользу своей невесты. А случай и не заставил себя ждать – не по своей воле вскоре Вернер отдал богу душу. В поисках завещания, припрятанного старикашкой в доме, Анна случайно выясняет, что у нее была целая куча предшественниц из России. Похоже, она стала очередной наивной дурочкой, клюнувшей на уловку этого «брачного» проходимца. А тут еще ко всем неприятностям какой-то хмырь взялся отстреливать всех претендентов на наследство Вернера...

© Калинина Д. А.

© Эксмо

Дарья Калинина

Целый вагон невест

Человек шел по лесу так же медленно, как и замерзал. Вокруг него на много километров не было ни жилья, ни самих людей, поэтому ужасаться тому, как выглядел сейчас путник, было некому, как некому и помочь ему. Человек посмотрел на свои ноги и застонал сквозь зубы. От купленных недавно теплых ботинок остались одни лохмотья. Китайская кожа не выдерживала ни критики, ни зимних морозов. Человека спас ватник: он отрезал ножом несколько полос спереди и обмотал их вокруг истерзанных ботинок. Ногам немедленно стало теплей, зато стало холодно животу. Покончив с обувкой, он еще раз огляделся по сторонам и прислушался. Шум погони стих еще два дня назад, и тогда мужчина сделал то, чего не делал уже десять лет. Он заплакал, ибо решил, что судьба наконец-то сжалилась над ним и дала ему шанс. Но сейчас да еще на голодный желудок жизнь что-то перестала казаться ему той штукой, ради которой стоит жить.

Но он все же развел костер и долго наслаждался его теплом, с торжеством думая, что на этот раз прославленные ищейки не смогли тягаться силами с ним и повернули обратно. Но уже через час после того, как погас огонь и голод дал о себе знать, в голову мужчине закралась предательская мыслишка: а ведь там, у людей, от которых он сбежал, сейчас тепло и настал час ужина. Но природное упрямство, не раз губившее его в прошлом, дало знать о себе и сейчас: он продолжал идти вперед, не оглядываясь и не позволяя себе думать о возвращении.

Анна стояла в аэропорту Мюнхена и медленно закипала. Ее самолет приземлился уже больше получаса назад, она прошла таможенный контроль и вопреки собственным опасениям получила свой чемодан, а Вернера все еще нет. Наконец она услышала знакомое по многим телефонным разговорам «Аннья!» и была заключена в крепкие объятия Вернера, которого узнала с трудом. На фотографиях он выглядел как-то не так. Не то чтобы значительно лучше, но все-таки не таким помятым и морщинистым. К тому же его рост в письмах был явно завышен. Видимо, ее чувства отразились у нее на лице, потому что Вернер поспешно затолкал Анну в такси, и они поехали. По пути к его дому Аня с тоской вспоминала напутствие своей ближайшей подруги Мариши.

– Два раза ты уже влипала в истории с этой Германией, – говорила ей подруга. – Пора сделать выводы. Если и в третий раз обломится, значит, не судьба.

Сам дом в отличие от хозяина Анну приятно удивил и порадовал. На фотографиях, которые ей присылал Вернер, дом целиком не умещался, поэтому и сложилось неверное, так сказать, половинчатое о нем представление. На самом деле в доме было целых четыре этажа вместо предполагаемых Анной двух плюс мансарда. О самом женихе у Анны, оказывается, тоже сложилось неправильное представление. Ему было вовсе не «чуть за сорок», а уже значительно ближе к шестидесяти. Это Анна сообразила, когда смогла хорошенько рассмотреть его. Кроме того, он был вовсе не так одинок, как явствовало из его писем. У него имелись две взрослые дочери и вполне здравствующая жена, которая стояла тут же и мило улыбалась госте.

Анна немного опешила от такого обилия впечатлений. И хотя это был не первый ее приезд в Германию, остро пожалела, что не осталась дома, в России. Но она тут же взяла себя в руки и напомнила себе про свои два первых визита, а напомнив, почувствовала, что вполне может примириться с существованием жены и дочерей, которые к тому же жили отдельно и вели почти самостоятельную жизнь. Старшая дочь обитала в Канаде и Анну вообще не волновала, жена имела любовника в Мюнхене, у которого и жила. Опасность представляла только младшая дочь. Она хотя и имела приятеля, но жила с ним тут же в Хайденгейме.

«Зато этот явно не будет заставлять меня принимать ванну в умывальной раковине, а потом в этой же воде стирать все грязное белье, которое накопилось у него за неделю, – подумала Анна себе в утешение, обнаружив стиральную машину, стоящую в роскошной ванной комнате. – И экономить на отоплении, когда за окном десять градусов мороза, тоже не будет», – продолжила она перечислять плюсы, увидев несколько электрических каминов и один, ловко имитировавший настоящий.

Обедали они втроем. Вернер ухаживал за обеими дамами и в их разговор особо не вмешивался. За десертом, состоящим из взбитых сливок с печеными яблоками, разговор все еще продолжал вертеться вокруг светских тем. Наконец, досконально выяснив, какая погода бывает в Питере, какими самолетами предпочитают летать в России, и рассказав, какие места посетили ее дальние знакомые во время тура в Россию, жена начала собираться.

– О, – сказала она, собирая вещи, – чуть не забыла. У меня для вас подарок.

И женщина протянула в очередной раз опешившей Анне толстую книгу с названием, которое Анна смогла бы перевести, даже если бы не учила немецкий с трех лет и не заканчивала немецкое отделение университета. Картинка из двух деятельно совокупающихся тел, мужского и женского, достаточно ясно комментировала содержание книги.

– Danke schön, – машинально поблагодарила ее Анна, чувствуя, что ей никогда не научиться ценить немецкое чувство юмора.

– Какой удачный подарок, – сказал Вернер, едва за его женой захлопнулась садовая калитка. – Она всегда знала, как мне угодить.

Анна с некоторым недоумением посмотрела на Вернера. К ее приезду он явно старался прихорошиться – покрасил волосы в голубоватый цвет, побрился и облился сразу несколькими дезодорантами, но Анна полагала, что затраченные им усилия себя все же не оправдали. Тут нужны были более радикальные меры, и общая косметическая подтяжка кожи была бы самой мягкой из них.

– Как думаешь, книга нам пригодится? – многозначительно глядя на нее, продолжил Вернер.

– А как твоя жена восприняла мой приезд? – спросила у него Анна, чтобы увести его от этой скользкой темы, попутно думая, куда бы спрятать мерзкую книжицу.

– Она обрадовалась, – заверил ее Вернер. – Когда она ушла от меня к Густаву, то очень переживала, что за мной некому будет ухаживать. «У тебя такой возраст, что нужно, чтобы рядом все время находился заинтересованный человек», – говорила она. И вот теперь я думаю, что нашел такого человека.

– Но с женой ты не разведен? – уточнила Анна. – Ты ведь не думаешь, что я буду жить с женатым мужчиной?

– На развод я уже подал, – поспешно заверил ее Вернер. – Но у нас такие дурацкие законы, что получить его я смогу только через полгода. Зато за это время мы сможем лучше узнать друг друга.

– За это время много чего случиться может, – пробормотала Анна по-русски и, как оказалось, словно в воду глядела.

У Анны была трехмесячная виза – это был максимум, который давали в посольстве. Значит, три последующих месяца Анне предстояло находиться где-нибудь в другой стране. Больше трех месяцев Германия ее терпеть отказывалась. Таким образом, из полугода, что оставался до развода, вместе с Вернером она в лучшем случае проживет половину.

Ночью выяснилось, что Вернер мужчина еще хоть куда. К Ане он вышел в костюме поросеночка. У него была шапочка с ушками, пяточок и хвостик колечком. Больше на нем не было ничего, и он, сложив ручки перед собой, бодро попрыгал по направлению к окаменевшей от изумления Ане.

Девушка решила бежать. Все равно куда и как – но бежать. Как раз в тот момент, когда Вернеру удалось допрыгать до нее, у него отвалился хвост. И ситуация несколько разрядилась и даже наладилась. Вспоминая своих более молодых приятелей, Анна не могла не отметить, что они все Вернеру в подметки не годились. Даже намечающийся маразм Вернера не помешал любовникам приятно провести ночь и утром встать весьма довольными друг другом. Сразу после завтрака, состоявшего из яиц всмятку и нескольких тостов с мармеладом, Вернер отправился на работу.

– Отдыхай, моя девочка, – проворковал он, нежно целуя Анну в щечку на прощанье. – Погуляй по саду, собери яблоки. Корзины стоят в сарае. Сахар, предназначенный для варки домашнего яблочного джема, ты найдешь в стенном шкафчике, рядом с остальными продуктами, которые я оставил тебе для приготовления обеда на сегодня. Потом я, конечно, покажу тебе магазины, где обычно делаю покупки, но на сегодня я все приобрел сам.

И он гордо посмотрел на Анну, явно ожидая, что его похвалят за проявленную заботу. Но Анна, потрясенно обдумывавшая количество работы, неожиданно на нее свалившейся, его взгляда не заметила. Она оглядывала сад, чувствуя, что вчерашнее ее восхищение его размерами стремительно испаряется.

– Верхние комнаты не убирай, – продолжал Вернер, и Анна облегченно перевела дух. – Оставь их на потом, приberi только в тех помещениях, которыми мы пользуемся. И...

– Вернер, ты не опоздаешь на поезд? – поспешно перебила его Анна. – Ты говорил, что он отходит в 10.45, а сейчас уже половина.

– Ты права, моя дорогая, – согласился Вернер, – как мило, что ты обо мне заботишься. Сегодняшний день в конторе пролетит для меня незаметно. И даже слушание моего дела в суде не сможет заставить меня забыть о тебе.

И он отбыл, напевая себе под нос какую-то веселую баварскую мелодию.

– М-да, похоже, я снова влипла, – констатировала Анна. – И почему мне так не везет?

От этой невеселой темы ее отвлек телефонный звонок. Не успев сообразить, что вряд ли в Германии есть хоть одна живая душа, желающая с ней пообщаться, Аня машинально схватила трубку.

– Алло! – сказал грубый женский голос. – Это ты, котик? Чего молчишь, не узнаешь?

– Вы кто? – удивилась Аня.

В трубке выругались, и Аня поспешно бросила ее на рычаг. Затем она отправилась осматривать свои новые владения. На это ушло около часа. Бродя по огромному дому, Анна чувствовала себя героиней сказки про Синюю Бороду. Комнаты двух верхних этажей были заперты, так что убирать их и правда не было никакой необходимости. Потом Анна спустилась в сад. Яблок в этом году уродилось огромное количество. Ветви деревьев под их тяжестью давно бы сломались, если бы не подставленные под них подпорки.

«Если здесь так всегда, то я пропала», – подумала Анна, пытаясь припомнить, что она слышала про какую-то чудодейственную жидкость, которая убивала растение целиком, стоило одной капле попасть на лист.

– Как знать, может, она и для деревьев сгодится, – прошептала Анна, собрав урожай с первой яблони.

Пол в комнатах она кое-как привела в приличный вид – загнала, помахав газетным листом, скопившуюся пыль под диваны и кресла. Покончив таким образом с уборкой помещения, Анна пристроилась в свободном от корзин с яблоками уголке кухни и наспех перекусила, потом запахала вчерашние и сегодняшние тарелки в посудомоечную машину и приступила к переработке урожая.

К вечеру Анна вконец обессилела, зато на полках кладовки стояли ровные ряды банок с домашним повидлом, которое она намеревалась выдать за джем. У женщины едва хватило сил, чтобы добраться до дивана и рухнуть на него. Однако стоило ей это сделать, как словно дожи-

давшийся этого момента телефон надрывно затрещивал. Мрачно глянув на мерзкую штуку, Анна, собрав последние силы, протянула руку к трубке.

– Аннья! – донесся из трубки жизнерадостный голос Вернера. – Я должен немного задержаться. Позвонил важный клиент, он тоже разводится с женой. Мы договорились обсудить его дело в ресторане. Хочешь, я познакомлю тебя с ним? Ты можешь приехать сейчас ко мне? Тогда мы бы все вместе поужинали. Здесь есть одно прекрасное местечко, я там бывал несколько раз, очень романтичная атмосфера. Играет живая музыка, всюду свечи и цветы, а еду готовят, я такой нигде не пробовал.

– Ужинайте вдвоем, – еле слышно прошептала Аня. – Я боюсь, что твой клиент при мне будет стесняться, и вы не сможете хорошенько обсудить все юридические тонкости.

– Как ты мила, – растрогался Вернер. – Ты думаешь только обо мне. Какая самоотверженность!

– Тогда еду я не готовлю? – оживилась Анна. – Ты ведь сытно поужинаешь, а сама я уж что-нибудь простенькое перекушу.

– Я поужинаю в ресторане, – заверил ее Вернер. – Если тебе будет скучно, можешь посмотреть мою коллекцию железнодорожных вагонов. Они на чердаке.

Потом Вернер еще минут пять пораспространялся на тему о том, как ему жаль, что их первый интимный ужин откладывается, и повесил трубку.

– Бизнес есть бизнес, – пробормотала Анька, снова падая на диван и думая о том, что, видимо, недоценила размеры дома, если в нем умещается целое железнодорожное депо.

Следующее утро немногим отличалось от первого. Они снова съели на завтрак яйца и тосты. Намазывая хрустящую корочку хлеба своим повидлом, Анна мрачно думала, что, пожалуй, не стоило ехать в такую даль, чтобы весь день заниматься уборкой и готовкой. Такими делами она вполне могла бы наслаждаться и у себя дома. Допивая кофе, Вернер повторил, что верхние комнаты убирать не нужно, но намекнул, что это вовсе не значит, что и жилые не нуждаются в уборке, причем тщательной.

«Заметил, гад, – отметила про себя Анька. – Ну уж сегодня я все вымою, пусть видит, какая я молодец. Яблоки-то я все переработала, больше делать особенно и нечего».

– Приготовь на ужин что-нибудь вкусненькое, – нежно целуя ее в щеку, прошептал ей в ушко Вернер. – Вечером придет моя дочь с ее другом. Пусть у нас будет что-нибудь сладкое. Я же помню, ты писала, что мастерица печь пироги. Испеки с яблоками, я видел, ты забыла снять несколько штук с верхушек деревьев.

Пирог Анна, ругая себя последними словами за свой длинный язык, испекла с повидлом. Достать яблоки ей не удалось: стремянка была заботливо заперта в сарае на ключ, а камней подходящего размера, чтобы ими попытаться сбить яблоки, как это ни странно, почему-то вокруг не нашлось. В этой стране были либо огромные валуны, игравшие декоративную роль или же служившие указателями, – поднять такой камушек, естественно, было не под силу даже пяти здоровенным мужикам, а не то что хрупкой девушке, – либо совсем мелкая галька, размером не больше миндаля, предназначенная красиво обрамлять дорожки. Опавших сучьев и веток в саду тоже не нашлось. Анька не поленилась и обыскала весь его, но ничего подобного так и не нашла. Это было сродни чуду. Видимо, весь мусор тут обладал способностью испаряться, едва коснувшись земли.

Вернер пирогом остался доволен. Однако деликатно заметил, что на четверых пирога такого размера может не хватить, потому что такой вкусноты он никогда не ел и сам лично сейчас слопал бы половину.

– Но ты ведь теперь каждый день будешь печь пироги? – заглядывая в глаза Анне, спрашивал он. – Я вкусно покушать люблю.

Анна все утро проковырялась сначала с электроплитой, пытаясь понять, как она включается, а потом воевала с подозрительного цвета готовым тестом, которое, судя по его виду,

лежало у Вернера в холодильнике не первый год. Поэтому, услышав пожелания Вернера, только зубами скрипнула. Между тем, ласково обняв Анну за плечи, хозяин дома увлек ее в спальню, но вовсе не за тем, о чем она подумала. Подведя ее к шкафу, он открыл его и начал бросать на постель Анькино нижнее белье.

– Хочу, чтобы ты оделась посексуальнее, – краснея, словно мальчишка, проговорил он. – Пусть моя дочка видит, какая у меня теперь подруга.

Анна напомнила себе, что с работы она уволилась и дома ее дожидаются долги в размере пары тысяч долларов. Если же она выйдет замуж за Вернера, то, как ни крути, ей достанется хотя бы часть этого дома. Поэтому без колебаний она согласилась на предложенный наряд. Он состоял из тончайшей комбинации с поясом и чулками, поверх чего надевалась сильно декольтированная кофточка с коротенькой юбочкой. Из-под кофточки выглядывала ляпка лифчика, что, по словам Вернера, будило в нем целый тайфун чувственности.

– Ночью я тебе докажу, – страстно шептал он Анне, поправляя на ней юбочку. – Хотя нет, давай прямо сейчас.

Анну спас пронзительный звонок в дверь.

– Гости! – всполошился Вернер. – Скорее вниз, я покажу тебе, что где лежит, чтобы ты могла выглядеть образцовой хозяйкой. И главное, не бойся, я буду рядом и в случае чего подскажу тебе, что делать.

Анна подумала, что лучше бы он просто все сделал сам, а давать ценные указания она тоже умеет. Но перевести на немецкий свои соображения да еще так, чтобы Вернер не обиделся, за какие-то секунды у нее не получилось. Вернер поспешно выдвигал ящики шкафов, показывая, где лежит столовое серебро, где – семейный фарфор или тяжелые льняные скатерти и салфетки из тончайшего полотна.

Если внешность жены Вернера была вполне терпимой и ничем не примечательной, то младшая дочка им явно не удалась. Девушка была откровенно страшновата. Однако приятель, у которого она жила, был в нее откровенно влюблен. Сам он тоже не слишком далеко ушел от обезьяны, по крайней мере, по части волосатости, но для мужчины ведь внешность не главное. Дочку же Анна разглядывала с откровенной жалостью. Анна и о своей внешности не была особо высокого мнения, но сейчас на фоне этой девицы она почувствовала себя просто писаной красавицей. Дочь Вернера звали Кати, у нее были короткие тусклые волосы, бесцветные глаза без малейшего намека на ресницы и огромный нос картошкой. Анна весь вечер ломала голову, откуда у девицы такой нос. У Вернера и его жены носы были в пределах нормы. Конечно, красотой и они не блистали, но все-таки знали свое место и не стремились расползтись по всему лицу. Рот у Кати тоже не удался, то есть со своей главной функцией он, конечно, справлялся, поглощая огромные порции съестного.

Вообще Анна заметила, что покушать в этом доме любят. Особенно если продукты из своего огорода и ровно ничего не стоят. Пирог исчез за пять минут. Потом ели суп, и Вернер шумно радовался.

– Горяченькое! – с умилением восклицал он каждый раз, погружая ложку в некое подобие первого блюда, которое Анна смастерила из бульона и консервированных овощей.

Потом было мясо с замороженными овощами. То есть до того, как попасть на стол, они были заморожены, потом Анна разогрела их в микроволновке, и овощи стали вполне съедобными. Мясо тоже было уже нарезано, посолено и даже приправлено пряностями. Анна об этом не догадывалась до тех пор, пока не попробовала свою порцию. Задумчиво прожевав кусок, она отметила, что с мясом что-то не так. Второй кусок все разъяснил – мясо было пересолено и просто полыхало жгучим перцем.

– Это у нас на востоке страны так готовят, – поспешила объявить Анна, заметив устремленные на нее недоумевающие взгляды Вернера и его дочери.

Один только непальский приятель Кати за обе щеки уминал Анину стряпню, в то время как по его лицу катились крупные слезы.

– Больше не готовь это блюдо, – тихо попросил Анну Вернер. – Видишь, до чего ты расстроила Санджая. Он просто обливается слезами, не желая показаться невежливым и отложить это мясо.

– Нет, нет, это не поэтому, – продолжая рыдать, пробормотал Санджай. – Просто я вспомнил свой дом. Моя мама готовила мясо точно так же, и я ее неожиданно вспомнил. Вот если бы Анна научила Кати готовить! Я был бы счастливейшим человеком на свете. А то она кормит меня пищей и сосисками с пивом.

– Это у нее от матери, – посочувствовал ему Вернер. – Жена вечно пичкала меня диетическими салатиками и соевым мясом.

– Папа, что ты сравниваешь! – возмутилась Кати. – Мама готовила просто ужасно, а я вообще не готовлю. Чувствуешь разницу?

– Не мели ерунды, – сурово оборвал ее отец. – Бери пример с Анны. Она вам всем сто очков вперед даст. Таковую девушку я искал всю жизнь. Я подумываю о том, чтобы жениться на ней и обеспечить ее. Оставляю ей свои сбережения.

Кати выронила ложку, которой в эту минуту зачерпнула соус, и она шмякнулась в соусницу, забрызгав всю скатерть. А Санджай принялся усиленно тереть уши, видимо, проверяя, все ли с ними в порядке. В это время Анны в столовой не было, она ушла готовить кофе, поэтому не могла насладиться триумфом. Вернувшись, она была удивлена откровенно враждебными взглядами, которыми одаривала ее Кати.

– Что случилось? – поинтересовалась она у Кати. – Если не хочешь, не ешь это мясо.

– Ты в своем уме? – не обращая внимания на Анну, бросила Кати отцу.

– Вполне, – кивнул он. – Деточка, – обратился он к Ане, – не принесешь ли мне кофе с молоком? В моем возрасте нужно беречь свое сердце.

И дождавшись, пока Анна скроется за дверью кухни, он продолжил:

– Понятное дело, что тебе и матери я тоже кое-что оставляю. В самом необходимом вы, конечно, нуждаться не будете. А про остальное... Ты, например, можешь заканчивать свое образование по вечерам. А с жильем у тебя вообще проблем нет. Матери тоже много не надо, она не одинока, у нее есть на кого опереться. Пусть на большее, чем полагается ей по закону, и не надеется. Ее любовник – человек обеспеченный и вполне сможет прокормить их обоих. Правда, придется реже бывать у косметолога и на море ездить не каждый год, но ведь всего этого у нее было уже достаточно. А в старости надо жить умереннее, так ей и посоветуй. А вот у Анны все в будущем, она жить только начинает, а опереться ей решительно не на кого. Ты знаешь, что у бедной Анны нет никого, кроме старенькой мамы? Поэтому она нуждается во мне и в моем участии больше всех вас.

– А как же Ева? – спросила Кати. – Твоя старшая дочь? Ты всегда любил ее больше всех. Неужели ты и ее лишишь наследства?

– Я уверен, что Ева меня поймет, – невозмутимо ответил Вернер. – Она не похожа на вас с матерью. Для нее деньги не главное. К тому же они с мужем оба работают и в моей помощи вовсе не нуждаются. И не спорь со мной, если не хочешь лишиться той стипендии, которую я пока еще готов выделять на время твоего обучения. Иначе на учебные пособия тоже будешь сама зарабатывать. Я в твоём возрасте так и жил.

Кати поспешно умолкла, почувствовав, что идея ее полной самостоятельности пришлась отцу по вкусу. И неизвестно, в какие дали его заведут воспоминания о собственных некогда пережитых трудностях.

– Знаешь, сколько получает Анина мать, которая преподает в престижном вузе? – не успокаивался Вернер. – 50–60 долларов в месяц! А бедная Аннечка училась на стипендию

в восемь долларов в месяц. Эта девочка потеряла отца в пятнадцать лет и пережила такие лишения, что тебе и не снилось. И при этом осталась доброй, нежной и чувствительной.

Высказавшись, Вернер бросил салфетку, показывая, что разговор окончен. Но Кати так быстро не сдалась.

– Раз уж ты заговорил об этой вертихвостке, – прошипела она, – то я тебе скажу свое мнение. Только полный слепец не увидит, что этой девке нужны лишь твои деньги. И замуж она за тебя рвется только для того, чтобы осесть в Германии. Неужели ты и в самом деле думаешь, что ее прельщает интимная близость с придурковатым стариком без единого своего зуба, который красит свою седину в синий, а иногда сиреневый цвет? Может, ты считаешь, что она потеряла голову от твоих неотразимых мужских достоинств? Так я со слов матери знаю, что в сексе ты еще хуже, чем Санджай! Ей нужны только твои деньги, твои акции и твой дом. Что я говорю, твой дом! Это наш дом! Мы в нем выросли, он достался тебе по наследству от бабушки, с тем чтобы ты передал его своим детям, а вовсе не какой-то русской девке. Стоит посмотреть, как она одета, и тут же закрадываются серьезные подозрения: еще неизвестно, за что она там получала свои восемь долларов в месяц.

– Мне нравится, как она одевается, – заявил Вернер.

– Мне тоже, – неожиданно подал голос Санджай. – Очень сексуально. Ты тоже могла бы хоть изредка ради меня придумать что-нибудь вроде этого белья.

– Какого еще белья! – окончательное взбеленилась Кати. – Где ты ее белье увидел? Что тут вообще происходит? Вы все с ума посходили? Санджай, пошли домой. Не хочу смотреть, как из моего отца делают клоуна.

И с этими словами она гордо зашагала к двери.

– А вот и кофе, – объявила Анна, появляясь в дверях с подносом и с удивлением обнаружив опустевшую гостиную. – Ой, а куда делись твои гости?

– Они ушли, – невозмутимо сообщил Вернер.

– Из-за меня? – расстроилась Анна, которой вовсе не улыбалось, чтобы вся семья ее дружно возненавидела. Особенно пока она прочно не утвердится в этом доме.

– Не обращай внимания, они скоро привыкнут, что теперь ты занимаешь место их матери, – сказал Вернер. – Моя дочь особа импульсивная, но уже завтра она поймет, что я волен располагать своей жизнью по собственному усмотрению. И что она не может диктовать мне, кого любить и с кем жить. Особенно после того, как ее мать первая сбежала от меня.

Решив, что окончательно успокоил Анну, Вернер отправился к себе в кабинет, где долго писал какие-то бумаги и что-то подсчитывал. Когда Аня сунулась к нему, а заодно и к бумагам, он довольно резко сказал, что ее это не касается. Аня обиделась и ушла. Обижалась она еще около часа, потом появился сияющий Вернер и сообщил, что этот месяц был удивительно прибыльным.

Спать они легли рано, на этом настоял Вернер. Ему не терпелось доказать самому себе, что в постели он будет поискуснее какого-то там Санджая. А Анна еще долго лежала без сна, пытаясь сообразить, может, с ее помощью Вернер решил просто досадить своей жене, припугнуть ее возможностью новой женитьбы. Если это так, то как бы ей снова не остаться на бобах...

Утро началось обычно. Они ели яйца, которые Аня уже потихоньку ненавидела, и собственного приготовления яблочное повидло, от которого ломились полки кладовки.

– Ты сегодня все-таки достань верхние яблоки, – нежно целуя ее на прощанье, сказал Вернер. – Стремянку я достал еще вчера. Вон она стоит возле сарая. Днем позвоню, чтобы узнать, как у тебя дела. И приготовь что-нибудь вкусненькое.

Стоило Вернеру выйти из дома, как запищал маленький телефон, стоящий в холле.

– Вернер? – прошептал в трубку приятный женский голосок. – Я отправила тебе письмо, ты его уже получил?

– Кто говорит? – мрачно осведомилась Анна.

Трубку немедленно положили, решив, верно, что ошиблись номером. Повторный звонок раздался через несколько минут.

– Опять вы? – сказал женский голос, утратив всякую приятность. – Кто вы такая? И что вы там делаете?

– Я здесь живу, – гордо ответила Анна, чувствуя себя почти золотоискателем, застолбившим богатый участок на Клондайке. – И не звоните сюда больше.

С этими словами она повесила трубку и отключила телефон. Затем прошла к почтовому ящику и вынула из него почту. На девяносто процентов она состояла из писем, как довольно быстро заключила Анна, от женщин.

– Какая сволочь! – с чувством проговорила Аня.

Совість терзала ее очень недолго. Ровно до момента, как она распечатала первое письмо и из него прямо ей в руки выскользнули фотографии роскошной высокой девицы с внешностью фотомодели. И тут совесть Анюты мгновенно умолкла, зато заговорил инстинкт собственницы. Аня бегло просмотрела другие письма. Все они были либо с фотографиями фотомоделей почти нагишом, либо содержали такие откровения, от которых успеющую побывать замужем Аню просто бросало в краску. Муки ревности буквально раздирали девушку на мелкие кусочки, и она сама не заметила, как письма превратились в мелкие клочки бумаги. Тут Аня сообразила, что ее ждет, если хотя бы одна частичка растерзанных писем попадет в руки Вернера. Надо было немедленно уничтожить все следы.

– Заодно и сад удобрю, – бормотала себе под нос Аня, устраивая небольшой костер, в котором исчезли обрывки писем и фотографий.

Последней в огонь Аня бросила фотографию трех пушистых кошек, которую одна из претенденток на руку Вернера вложила в свое письмо. Покончив со всем этим, Аня с чистым сердцем приступила к добыванию яблок, которые углядел Вернер.

– Какой глазастый, – пробормотала Анька, подтаскивая стремянку к дереву. – Беда мне с ним.

Яблони в саду Вернера были старые. Оставшиеся на верхних ветвях яблоки висели на высоте не менее пяти метров. Стремянка была еще длиннее. Но Анна, сама недоумевающая, как это ей удастся, бодро поволокла ее к ближайшему дереву. Оно приглянулось ей еще и тем, что было пониже остальных.

– Начинать надо с малого, а потом уже, хорошенько натренировавшись, приступать к сложному, – говорила она себе, сбрасывая яблоки на землю.

Вернер был прав, заставив ее собрать весь урожай до последнего яблочка. Только с первого дерева набралась почти целая корзина, правда самая маленькая, но все же. Немного отдышавшись, Анна приступила к штурму следующего дерева. Оно было еще более урожайным, и с него набралась корзина побольше. Так Анна обработала почти все деревья. Оставалось последнее, самое старое и самое высокое. Анна прислонила к толстому стволу стремянку и с замирающим сердцем принялась карабкаться вверх. Анна старалась не смотреть себе под ноги, сконцентрировав все внимание на яблоках, до которых предстояло добраться. Она собрала плоды уже с двух веток, поднялась еще на одну жердочку и потянулась к третьей ветке. И вдруг стремянка под ее ногами издала громкий треск, и Анна почувствовала, что летит вниз.

Она открыла было рот, чтобы позвать на помощь, как тут же он оказался забитым осенней листвой. Пока Анька отплевывалась, ей пару раз досталось по голове, один раз по плечу и три раза по ногам. Наконец она почувствовала, как ее копчик больно стукнулся обо что-то твердое, и поняла, что больше никуда не летит. «Я умерла, – грустно заключила Анна. – Но тогда почему у меня так болит все тело?»

Еще несколько минут девушка уговаривала себя открыть глаза. Наконец они послушались, и она увидела, что оседлала толстую ветку, вцепившись обеими руками в соседний сучок, а до земли оставалось около трех метров. Аня поняла, что самостоятельно добраться до земли

ей не под силу. Оставалось смириться и ждать, когда вернется Вернер и освободит ее из яблоневого плена.

Неожиданно в саду раздался мужской голос:

– Ани! Ани! – повторял он. Девушка потрясла головой и снова прислушалась. Голос не пропал.

– Эй, вы там! – нерешительно откликнулась Анна. – Не могли бы вы мне помочь?

Голос умолк. Послышались приближающиеся шаги, и через минуту из-за угла дома появился Санджай. Он обвел глазами сад в поисках Ани и, не обнаружив ее, в нерешительности замер на месте.

– Эй, я здесь! – сообщила ему Аня.

Санджай задрал голову.

– Что ты там забыла? – в недоумении спросил он.

– Стремянку, – пожаловалась Анька.

– Так она же возле тебя, – снова удивился Санджай.

– Это так только кажется. На самом деле она за много километров от меня.

Санджай передвинул стремянку поближе к Аньке и скомандовал:

– Слезай!

– Только этой команды я и ждала, – проворчала Анна, осторожно переползая по ветке и замирая при малейшем похрустывании. Наконец ей удалось поставить одну ногу на стремянку, вторая как-то нащупала ее сама, и спустя несколько минут Анна решила отпустить сучок, за который держалась столько времени.

– Не бойся, я тебя поймаю, – подбодрил ее Санджай. Он явно в своих представлениях преувеличивал свои возможности.

На вид этот человек не смог бы поймать даже щенка. Он был пониже Анны ростом да и весил едва ли в половину. Зато пронзительные черные глаза Санджая горели энтузиазмом. Он метеором носился вокруг яблони, ероша в волнении свои густые длинные волосы. Его желание помочь и столь красноречивые переживания вызвали у Анны прилив новых сил. Она даже стала неодобрительно покрикивать на Санджая, требуя прекратить мельтешение, так как у нее и без того кружится голова. К тому же вернеровская стремянка – вещь крайне ненадежная.

Наконец спасательная операция была окончена, и Анна почувствовала под ногами твердую почву. Ощущения были ни с чем не сравнимы. Немного отдышавшись, она спросила у своего спасителя:

– Как ты тут оказался?

Санджай на минуту замялся.

– Хотел попросить у тебя позволения... воспользоваться вашей уборной, – сказал он. – Можно?

– Тебе все можно, – великодушно разрешила Анна. – Проходи в дом.

Пока Санджай приводил себя в порядок, Анна подсчитывала свои синяки и шишки. Оказалось, что, как это ни странно, она отделалась сущими пустяками. На голове зрели две шишки, да по всему телу были разбросаны большие и маленькие синяки. Этими травмами уцерб ее организму и ограничивался. Внутри ничего не болело. Руки и ноги шевелились.

– Могла и шею сломать, – попытожила Анна.

Немного отдышавшись, она проковыляла на кухню, где щедро плеснула себе водки, привезенной ею из дома в качестве сувенира для Вернера. Почувствовав, как по всему телу разливается тепло, Анька смогла собрать разбегающиеся мысли. Первой ей попала мысль о том, что Санджай, пожалуй, решил за ней ухлестнуть, пока его великанша учится. Иначе с чего бы ему ломиться в туалет Вернера, если собственный унитаз поджидает его всего в какой-то сотне метров отсюда?

Это соображение в сочетании с благотворным лечебным действием водки приятно грело душу. Поэтому, когда Санджай вышел из туалета, его встретила подбравшая и покрасневшая Анна, уютно расположившаяся на ковре перед камином. Каким-то шестым чувством Анна догадалась, что водка в деле обольщения данного объекта не самое лучшее средство. Поэтому в руках у коварной был уже не водочный стакан, а изящный бокал, наполненный красным вином. Она протягивала его Санджаю, приглашая устроиться на ковре рядом с нею.

Парень не заставил себя долго упрашивать и отдал должное винным запасам Вернера. Так они и сидели возле камина, вспоминая недавнее приключение Анны, и совершенно не замечали, как пролетали минуты. Внезапно в дверь раздался громкий звонок, от звука которого Санджай подскочил словно ужаленный. При этом он щедро расплескал по белоснежному ковру изрядную толику красного вина. До Анны тоже стало доходить, что Вернер вряд ли одобрит такое времяпрепровождение своей потенциальной невесты. Следует сказать, однако, что забеспокоилась она в первую очередь о том, как бы Вернер не обиделся, увидев, что она поит его вином постороннего мужчину. Анна не желала огорчать славного старика, который пока не сделал ей ничего плохого, а, напротив, трижды высылал деньги на дорогу, которые она все никак не могла в целости донести до дома. Поэтому девушка ринулась с опустевшей бутылкой и двумя бокалами на кухню.

– Это Вернер! Открывай дверь! – на бегу скомандовала она Санджаю. – А то как бы он не заподозрил чего дурного и не начал скандалить.

Шоковое состояние после падения, а также изрядная толика выпитого вина ясности в Аниной голове не прибавили. Иначе бы она, безусловно, сообразила, что Вернеру, у которого, как у всякого хозяина, имелись ключи от своего дома, звонить, да еще так настойчиво, было не обязательно. Но ничего подобного ей в голову не пришло, пока она старательно вытирала бокалы и искала место, куда бы спрятать бутылку из-под вина.

Покончив с этим, Анна нацепила невинную улыбку, схватила первый попавшийся кухонный предмет, подтверждающий, что она занималась готовкой, и вышла в гостиную. Перед самым ее появлением Санджай открыл входную дверь, и в дом ввалилась Кати. Она сердито уставилась на Санджая.

– Ты что тут, один? – спросила она. – А где все?

Санджай не торопился с ответом, и она принялась осматривать комнату. Взгляд Кати упал на винные пятна, алевшие на белом ворсе ковра, и в ее голове началась кипучая работа. Наконец она оторвала взор от ковра, и первое, что увидела, была Анна, которая терпеливо ожидала, когда ее заметят. Кати издала какой-то булькающий хрип и без чувств повалилась на ковер.

– Что это с ней? – встревожилась Анна. – Она припадочная?

Но ответа ей узнать не удалось: в этот момент в дверь вбежал сам хозяин дома. Увидев свою дочь, распростертую на ковре, склонившегося над ней приятеля, красные пятна на ковре и Анну, стоящую поблизости с огромным кухонным ножом для рубки мяса, он задрожал и тоже рухнул рядом с дочерью.

– Что это с ними? – недовольно спросила Анна.

– Ай-ай, – плакал Санджай над телом своей подруги, не делая, однако, никаких попыток привести ее в чувство.

– Да что же это такое? – возмутилась наконец Анна. – Я чуть не убила, падая с яблони, и я же еще должна приводить в чувство этих хлюпиков!

Высказавшись, она помчалась обратно на кухню и схватила огромный кувшин с водой, половину которой выплеснула на винные пятна, а остаток вылила на папу с дочкой. Первой пришла в себя Кати.

– Ты жива?! – воскликнула она, увидев Анну.

– Да, – с торжеством подтвердила Анна. – Но только чудом.

– Я увидела кровь на ковре и подумала...

– Это не кровь, а вино твоего отца, – поспешно пояснила ей Анна. – Мы праздновали мое спасение.

– Доченька, ты жива! – раздался в этот момент изумленный голос Вернера. – А я увидел алые пятна на ковре...

– А я вот сегодня чуть не свалилась с дерева и все ветки пересчитала, – перебила его Анна. – Вот полюбуйся. Тут вот и тут, а еще здесь, и выше тоже есть.

И она оголила ногу до бедра. Вернер мигом забыл про испорченные ковры и начал жадно разглядывать ущерб, нанесенный Аниной красотой, и расспрашивать, как это произошло.

– Ничего не понимаю, – сказал он, с трудом оторвавшись от созерцания Аниной ноги. – Это совершенно новая стремянка, я ее в прошлом месяце купил. Безобразие, я пойду выясню в магазин, как они смеют продавать такой некачественный товар. Твоя беда, Аннья, что ты весишь меньше пушинки, вот и добралась до самого верха. Другая бы сразу же рухнула и вреда бы себе никакого не причинила.

Гости уже давно откланялись, а Вернер все не мог успокоиться.

– У меня сердце весь день не на месте, – говорил он Ане за обедом. – Я целое утро звонил тебе, а ты не подходила. Я так тревожился, что даже забыл, что сам попросил тебя убрать яблоки. Прости меня.

После обеда он все еще не мог успокоиться и потащил Анну в сад, чтобы она на месте показала, как все было. Вникнув в картину происшедшего, Вернер принялся внимательно рассматривать стремянку.

– Mein Gott! – воскликнул он неожиданно. – Аннья, взгляни!

Аня послушно посмотрела туда, куда указывал ей Вернер. Сначала она никак не могла понять, в чем там дело, но вдруг ее озарило, и она почувствовала, как спина покрывается холодным потом. Ступенька стремянки была кем-то аккуратно подпилена. Причем спил был еще совсем свежим, это поняла даже несведущая в подобных вопросах Анна.

– Это сделали самое большее несколько дней назад, – заявил Вернер, покачивая головой.

– Может, ты ее кому-нибудь давал попользоваться? – слабым голосом пролепетала Анна.

Вернер недоуменно посмотрел на нее и заверил, что свой инструмент он бы не дал даже лучшему из соседей, которые были у него в жизни. Что же тогда говорить о противных старых переносках, что живут слева, и наглой шведской семье, что живет справа. Им бы он не одолжил стремянку даже для спасения жизни, правда не уточнил чьей. Анна вспомнила, что она не в России, а здесь и в самом деле не принято одалживать что-либо у кого-либо.

– Тогда, может быть, они тайком стащили ее, – предположила она. – Им было неловко просить ее у тебя, но лестница была позарез нужна, и они могли просто на время ее у тебя позаимствовать. А потом, поскольку они о тебе мнения не лучшего, чем ты о них, испортили ее. Просто из вредности.

– А что?! – воодушевился Вернер. – Версия вполне в духе этих старух. На редкость шкодливая парочка. Вечно ко мне свои опавшие листья перекидывают. А шведская тройка пошла еще дальше: они дожидаются, когда ветер подует в мою сторону, и сдувают ко мне на участок семена сорняков. У этих шведов специально оставлена целая делянка, где они все лето культивируют сорняки. Они думают, что я не догадываюсь об их фокусах. Однако выходка со стремянкой – это уж слишком. Ведь ты могла убится! Я немедленно пойду и выскажу все, что я о них думаю. И предупрежу, если такое еще повторится, я обращусь за помощью в полицию. Нет, лучше на старух натравить органы социальной помощи, пусть отправят их в дом престарелых. Извращенцами же пусть займется полиция нравов. Да! Так я им и скажу.

И маленький отважный Вернер отправился выяснять отношения с соседями. Стремянку он потащил с собой. Вернувшись, он первым делом побежал к бару и плеснул себе щедрую порцию Анькиной водки.

– Какие свиньи, – наконец смог он выдать из себя. – Это старухи напакостили. Теперь я точно знаю.

– Почему? – поинтересовалась Анна. Обе соседки казались ей на редкость добродушными и недалекими бабульками, которые если о чем-то и думали, то только о том, что повкуснее приготовить на обед или какие бы симпатичные цветочки высадить в своем садике.

– У них в доме был ремонт, – таким тоном, словно читал обвинительный приговор, сообщил Вернер.

– И что?

– И во всем доме нет стремянки, – с торжеством закончил Вернер. – Как мастера могли красить стены, если нет стремянки? Я специально прошел по всем комнатам, сделал вид, что интересуюсь качеством работ, заглянул даже в кладовки и потайные ниши. Ничего!

– Так мастера ее унесли с собой! – догадалась Аня.

Вернер посмотрел на нее с жалостью.

– Зачем им таскать с собой стремянку, когда она должна быть в каждом уважающем себя доме? К тому же я видел, как рабочие приходили и как они уходили, никакой стремянки у них с собой не было.

– Так они ремонтом по ночам занимались? – удивилась Аня.

– Почему ночью? – не понял Вернер.

– Днем-то стремянка стояла у тебя в сарае, на своем законном месте, – разъяснила ему Анна.

– Откуда я знаю, стояла она там или нет? – сварливо заметил Вернер. – Я в сарай уже больше недели не заглядывал. Сердцем чую, что старухи ее брали. Хочешь, мы чуть позднее сходим к ним, и ты убедишься, что и в сарае стремянки у них нет.

Анна не хотела, но они все равно пошли. Вернер заявил, что не сможет заснуть до тех пор, пока собственными глазами не убедится в том, что у старух есть собственная стремянка, а стало быть, нет резона идти на риск и красть чужую.

– У старух точно такой же замок, как у меня, – шептал он Анне. – Я сам покупал, поэтому знаю. Мне нужен был замок, а два замка стоили дешевле, чем один. Вот я и купил. Им, понятное дело, ничего этого не сказал. Но они на редкость пронырливые особы, одна, по моим подозрениям, служила в гестапо, так что старухи вполне могли пронюхать, что у меня такой же замок.

Добрались до сарая соседок, который был почти точной копией сарая возле дома Вернера, с той лишь разницей, что у старушек он был выкрашен в приятный кремовый цвет, а у Вернера покрыт прозрачным лаком, позволявшим видеть узоры древесины. И крыша сарая соседок была черепичной, а у Вернера – железной. Но замки были одинаковыми, в этом Вернер не ошибся. Они легко справились с запором и вошли внутрь.

Порядок тут царил образцовый. Весь садовый инструмент был аккуратно расставлен и разложен по специальным полкам и подставкам. Стройными рядами стояли пакеты с удобрениями. Отдельно целые, а отдельно уже вскрытые. На других полках помещались горшочки с какой-то рассадой и коробки с луковицами и корневищами. На полу громоздились специальные ящики, предназначенные для хранения опилок и торфа. Но даже подобия стремянки в сарае не обнаруживалось. Правда, тут была садовая лестница, но для ремонта в доме она, разумеется, не подходила.

В момент, когда парочка с пристрастием разглядывала чужую садовую лестницу, вторая дверь, ведущая внутрь дома, вдруг отворилась, и на пороге возникла старшая сестра. Та самая, что, по словам Вернера, служила в гестапо. Несмотря на прожитые годы, зрение у старухи было отменное, и преступную парочку она сразу же увидела.

– Ах! – воскликнула она, роняя горшок с каким-то растением. – Почему вы здесь?

– Извините, – пробормотал Вернер. – Дела.

И с этими словами он словно испарился. Анна приготовилась было последовать его примеру, как ее остановил окрик старухи.

– Деточка, будь с ним поосторожней! – посоветовала она Анне. – У него с головой с детства были проблемы. Если почувствуешь, что он совсем не в себе, беги к нам, мы сумеем тебя защитить. А то жила тут одна перед тобой...

– Аннья! – раздался призывный крик из глубины сада.

Старуха величественно кивнула, отпуская Анну, и склонилась над погибающим цветком.

– Убедилась?! – набросился на Анну Вернер, когда девушка догнала его возле низенького заборчика, разделяющего участки.

– Стремянки нет, – подтвердила Анна, размышляя над словами старухи.

Оказавшись дома и дождавшись подходящего момента, который вскоре и наступил, уже в постели она спросила:

– Я у тебя первая девушка, прибывшая к тебе в гости по объявлению?

– Конечно! – горячо воскликнул Вернер. – Первая и последняя. Я без ума от тебя. И мы обязательно поженимся, как только я получу развод.

– И когда это будет? – в сотый раз поинтересовалась Анна.

– Через полгода, – как и раньше, ответил ей Вернер.

Отвернувшись к стене, Анна принялась подсчитывать. Знакомы они с Вернером уже больше двух месяцев. Первый разговор о разводе зашел тоже около двух месяцев назад. И тогда срок тоже был определен в полгода.

– Такое впечатление, что для тебя время остановилось, – сказала Анна.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Вернер. – Я так молодо выгляжу?

Но Анна его разочаровала.

– Нет, – буркнула она. – Я хочу сказать, что ты что-то темнишь с разводом. Два месяца назад говорил через полгода, теперь тоже полгода. А что будет через пару месяцев, снова полгода?

– В чем ты меня подозреваешь? – обиделся Вернер. – До того, как подать бумаги на развод, я думал так, а потом срок изменился.

– Так ты уже знаешь число или хотя бы месяц, на который назначено ваше дело? – оживилась Анна.

– Это будет в апреле – мае.

– Так в апреле или в мае? – не отставала Анна.

Вернер рассердился. Он сказал, что Анна слишком торопит события. Они еще толком не знают друг друга, у них впереди масса прекрасных дней, и она должна предоставить ему все решать самому. Столь конкретно высказавшись, он возмущенно попыттел еще некоторое время, потом отвернулся и приготовился уснуть.

– Когда ты оформлял мою страховку, потом посылаешь вызов, переводил деньги, согласовывал со мной мой маршрут, то проявлял такую осведомленность, словно тебе этим уже приходилось заниматься, – проговорила Анна в спину Вернера.

Слова Анны оказались последней каплей. Вернер обиделся словно ребенок, схватил свою подушку и одеяло и ушел ночевать в гостиную на диван. Предполагалось, что за ночь Анна одумается и утром уже будет вести себя снова как шелковая. Но не на ту попал.

Внезапно до слуха мужчины донесся знакомый шум, его он бы не спутал ни с каким другим. Так реветь могла только большая грузовая машина. Не поверив своим ушам, он снова прислушался. На этот раз звук был другим, потом к нему присоединился еще один, и они оба затихли вдали. Мужчина рванул вперед, не обращая внимания на то, что его обувь снова развалилась и он режет ноги об обледенелую землю. Через четверть часа, оставив за собой кровавую цепочку следов, он вышел к шоссе. По трассе катили огромные фуры, в которых, как

он убедился, сидели храбрые парни. Настолько храбрые, что отваживались брать попутчиков даже в самых глухих местах. Уже через несколько минут возле мужчины остановился тяжело нагруженный «ТІR», и путник оказался в благословенном тепле водительской каюты. В одной его руке тут же появилась кружка с крепким чаем пополам со спиртом, а в другой огромный кусок хлеба с мясом. Перед его глазами расстиралось шоссе, которое вело с ненавистного ему востока на родной запад.

Утром, выслушав перечень ее сегодняшних дел и получив дежурный поцелуй в щечку, Анна приятно разнообразила свой день, отправившись с визитом к соседским старушкам. Правда, перед этим она выпотрошила почтовый ящик. К счастью, почту приносили уже после ухода Вернера. Писем было всего три. Аня разорвала их на мелкие клочки, которые закопала в землю, и только потом пошла в гости.

Встретили ее ласково. Старушки уже позавтракали, но для гостыи сварили горячий шоколад и подали к нему домашнее печенье. За шоколадом выяснилось, что обе сестры внимательно следят за положением дел в России и осведомлены о них значительно лучше самой Анны. Поэтому она поспешила перевести разговор в нужное ей русло, пока старушки не засомневались в том, что она действительно русская.

– Вчера вы говорили, что к Вернеру уже приезжала какая-то девушка? – обратилась она к старшей сестре – Гертруде.

– Не одна, а целых три, – поправила ее старуха. – Приезжать они приезжали, а вот как уезжали, мы не видели.

И обе сестры многозначительно замолчали.

– Что вы хотите сказать? – внезапно осипшим голосом спросила Анна.

– Мы в чужие дела не вмешиваемся, каждый живет как знает, – подала голос младшая – Эльза. – Думай сама. Но мы всегда рядом, помни об этом.

– А правда, что вы в войну служили в разведке? – поинтересовалась Аня. – Мне так Вернер сказал.

– Вот! – неожиданно обрадовалась старшая. – А я что говорила, он точно ненормальный! Надо же такое придумать – служила в разведке! Да кто бы меня туда взял? У нас дед был швед, а бабка наполовину русская, и об этом все знали. Мы с мамой всю войну тряслись от страха, что нами заинтересуются. Уехали из Берлина и обосновались здесь. Деды к тому времени уже умерли, а здесь нас никто не знал, так что донести не мог. Мы говорили, что бежали от бомбежек, что в Берлине слишком опасно, дом наш все равно разрушен и теперь мы будем жить здесь. Так и получилось.

– Хорошо, что мы не подались в Лейпциг, – добавила Эльза. – А то бы оказались на оккупированной территории. Теперь-то, когда стену разрушили, мы снова объединились, а тогда это были просто две разных страны. Даже помыслить страшно, как они там жили.

И разговор окончательно свернул на политику. Анна очень скоро заскучала и сразу вспомнила, что у нее на сегодня еще куча дел. Вернер же обещал вернуться рано, чтобы показать магазины, где ей следует делать покупки по хозяйству.

Дома Анне еще несколько раз пришлось беседовать с потенциальными невестами Вернера, жаждающими поговорить с ним. Всем Аня сообщала, что он уже сделал выбор, она здесь, они с Вернером любят друг друга, и просила больше не звонить. Лишь одна соискательница хриплым голосом возмутилась и потребовала позвать Вернера. Пожелала, чтобы он ей сам сказал, что у них все кончено. Вернер приехал с несколькими примятыми розочками в руках и просил прощения за вчерашний вечер.

– Я так сильно за тебя испугался, что совершенно перестал соображать, – со смехом сообщил он. – Пойдем за покупками.

К удивлению Анны, они миновали все расположенные поблизости продуктовые лавочки и магазинчики. На ее вопрос, зачем так далеко идти, Вернер ответил, что здесь все слишком дорого. Откровенно говоря, магазины не производили впечатления слишком уж дорогих, они явно предназначались для людей ниже среднего достатка. Но погода была чудесная, и Анна не возражала против небольшой прогулки. Так они дошли до железнодорожной станции, миновали ее и оставили позади еще несколько сот метров. Анна представила себе, насколько может быть приятным обратный путь, когда они будут тяжело нагружены. Пожалуй, тогда прогулка не покажется ей такой уж приятной.

– Вот здесь! – сказал наконец Вернер. – Я всегда делаю покупки именно здесь. Тут отличный ассортимент, умеренные цены и хорошее обслуживание.

– А главное, близко от дома, – съязвила Анна, но Вернер ее сарказма не понял.

– У нас в Германии все близко, – заявил он с таким видом, словно в этом была его личная, и немалая, заслуга.

Магазин оказался самым обычным. Анна давно уже переболела западным изобилием и теперь снисходительно взирала на всевозможные замороженные полуфабрикаты в красочных обертках. Вернера интересовало все. Покончив с покупкой продуктов, он отвел Анну в магазин, где торговали всевозможным бельем, и буквально заставил ее приобрести пару лифчиков и несколько кружевных трусиков. Выбирал он изделия самолично и с привлечением широких масс общественности. К тому моменту, когда он сделал наконец свой выбор, в магазине не осталось ни одной неосведомленной живой души. Все присутствующие были в курсе того, что он покупает подарок для своей русской подружки. Потом они приобретали кастрюли с двойным дном и антипригарным покрытием всей поверхности, так как Аньку черт дернул за язык сказать, что ей всегда хотелось приготовить что-нибудь в такой кастрюле. Вернувшись в продуктовый магазин, Вернер купил то, что полагалось класть в эту замечательную кастрюлю. Таким образом, сумками они нагрузились основательно.

– Слушай, Вернер, – преодолев первую сотню метров обратного пути, произнесла Анна. – А почему у тебя нет машины?

– А зачем? – удивился спутник. – На работу мне быстрее добираться на электричке, а здесь все так близко, что машина просто не нужна. В городе трудно с парковкой. И потом, пока машину выведешь из гаража, пока заведешь, пока гараж закроешь. Время уходит. Вообще-то машина у меня есть. Только я люблю гулять пешком. Свежий воздух укрепляет организм. А разве, сидя в машине, можно вдоволь надышаться? Посмотри, какая дивная картина.

Анна ничего дивного в пивоваренном заводе с его трубами и цехами не видела. Но ведь она не была настоящей немкой, поэтому ей было его не понять. До дома они добрались не в лучшем настроении. То есть Вернер был бодр, а Анну не радовали даже приобретенные обновки. К тому же в прихожей надрылся телефон. Вернер снял трубку.

– Хэлло, дорогая. Как я рад тебя слышать! – воскликнул он.

Решив, что он разговаривает с женой, Анна оторопела. Но она оторопела еще больше, когда Вернер назвал свою жену Любочкой и сказал, что мечтает поскорее увидеться. Но вот некоторые обстоятельства...

Дальнейшего разговора Анна не слышала. Безумная всепоглощающая ярость буквально захлестнула ее. В висках застучало, в ушах загудело от кровяного давления, подскочившего до предела.

– Ты это с кем разговариваешь? – едва слышно прошептала Анна.

Но Вернер все же услышал. Он обернулся, и что-то в Анькином лице заставило его быстро повесить трубку.

– Хи-хи, – глупо захихикал он. – Получилось! Шуточка удалась. Хотел посмотреть, как ты отреагируешь. Никогда бы не подумал, что ты такая ревнивая.

И Вернер попытался обнять Анну. Однако делать этого ему не следовало. В плохом настроении Анна была опасна для окружающих почище стихийного бедствия.

– Ах ты старый козел! – завопила Анна, швыряя на пол покупки.

– Аннечка, ты разбила мед! – заголосил в ответ Вернер.

У разгневанной Анны все немецкие слова, конечно, и ругательные, враз выветрились из головы. Поэтому она ругалась по-русски. Разумеется, Вернер смысла произносимых слов не понимал.

– Мурло ты вонючее! – самозабвенно вопила Анька, топчя ногами покупки. – Старикашка-шизофреник. Мерзкий, похотливый кобель. Кому ты еще звонил? Какой еще Любочке?

Вернер пытался перекричать Анну.

– Я выбрал тебя! – в свою очередь орал он. – Я люблю теперь только тебя. Она писала мне раньше, но выбрал я тебя.

В это время снова зазвонил телефон.

– Нет, Аннья, нет! – попытался остановить ее Вернер, но Анька метнулась к телефону.

Она схватила трубку и закричала по-русски:

– Место занято, просьба больше не беспокоить.

– Анна? – удивился женский голос в трубке, в котором Анна узнала голос жены Вернера.

Сунув трубку обалдевшему жениху, она отправилась наверх. Через несколько минут там появился Вернер.

– Что ты наделала! – укоризненно запричитал он. – Ты уничтожила половину закупленных продуктов. А завтра придет моя жена со своим другом. Чем мы будем их кормить? А главное, ты разбила мед!

– Ну и что? – мрачно пробормотала Анна. – Пойди оближи пол.

– Я хотел бы облизывать тебя, а не пол, – страстно выдохнул Вернер.

– Тогда я вдвойне счастлива, – холодно бросила Аня. – Кто такая эта Любочка? И почему она тебе звонит? Ты что, до сих пор с ней не порвал?

– Я писал ей, но не думал, что она позвонит, – начал нагло врать Вернер.

– Когда приезжал в Питер знакомиться со мной, ты заодно и с ней познакомился? – с яростью спросила Анна. – Ну и как она тебе?

– Ужас, – откровенно признался Вернер. – Живет за городом. В доме нет ни горячей воды, ни туалета, ни даже душа.

– Конечно, после секса душ необходим, – язвительно заметила Анна.

– Я сразу же сбежал, – продолжал Вернер. – К тому же она плохо говорит по-немецки. Гораздо хуже, чем ты. Да и старше тебя. Почти такая же старая, как моя жена.

Анна мрачно посмотрела на Вернера и подумала, что его жена, к слову сказать, совсем не такая уж и старая. Ей от силы лет сорок, а выглядит на тридцать с небольшим. Поэтому какая-то Люба, да еще живущая в тяжелых бытовых условиях, вряд ли могла бы с ней конкурировать.

– Ты хоть понимаешь, как тебе повезло? К тебе приехала женщина младше тебя более чем на тридцать лет? – грозно спросила Анна.

– Понимаю, – кивнул Вернер.

То, что он собирался сказать следом за таким обнадеживающим вступлением, прервал телефонный звонок. Аня подошла к телефону. Хриплый женский голос спрашивал Вернера.

– Его нет дома, – чуть поколебавшись, ответила она. – Вы разговариваете с его невестой, кто его спрашивает?

На другом конце провода немного помолчали, затем выругались и трубку повесили.

– Кто звонил? – поинтересовался Вернер.

– Не знаю, бросили трубку, – ни капли не покривив душой, ответила Аня.

Вернер поманил Аню пальцем.

– Смотри, что я для тебя купил, – таинственно сказал он.

И достал маленькую бархатную коробочку. Анька недоверчиво открыла ее и увидела: внутри на синем бархате тускло поблескивала платиновая брошь в виде птички. Присмотревшись, Анна обратила внимание на то, что одна ее лапка запуталась, птичка попала в силочек.

– Ты купил это для меня? – удивилась Анна. – Или она осталась после какой-нибудь твоей бывшей подружки?

– Только ты! – обрадованно заверил ее Вернер, поняв, что Анна успокаивается. – Никого, кроме тебя.

Мужчина уже в четвертый раз менял попутчиков. Его ноги уже зажили и были обуты в крепкие ботинки. Новые попутчики оказались на редкость добродушными ребятами. Можно сказать, это были совсем сосунки. Раньше такого не бывало. В машине всегда был один старший, а второй у него учился. Теперь времена изменились. Перенимать опыт никто не хочет. Молодежь не одобряет всех этих этических тонкостей и романтики дорог, которым поклонялось старшее поколение. Молодежь желает делать деньги, а на чем и как – большого значения не имеет. Поэтому старики ездят отдельно, а молодые отдельно. Оружия у парней не было, это мужчина проверил первым делом. И еще он обратил внимание на то, что один из парней удивительно похож на него. То есть был бы похож, если бы походил недельку-другую голодным, если бы ему сломали в драке нос и если бы от цинги он потерял все передние зубы. Тогда они стали бы просто братьями-близнецами. Или если бы мужчине зачеркнуть свое прошлое, стереть с лица печать порока и тогда... Просто чудо какое-то! Не будь мужчина убежден в верности своих родителей друг другу, впору было бы заподозрить присутствие в парне родной крови.

Мужчина был старше парней всего на пару-тройку лет, но тяжелая жизнь состарила черты его лица и многому его научила. Это был тертый калач. Посидел не в одном десятке тюрем и зон и закончил свой путь на «Белом лебеде», где прожил почти год. То, что остался жив и был в состоянии передвигаться, говорило о том, что когда-то этот человек был силен как бык. Зэк, проживший на зоне больше пятнадцати лет, всегда готов к тому, что с минуты на минуту его вызовут в мир иной и больше ему не придется по утрам получать из кормушки кусок хлеба с червями и ведро хлорки, которое выплескивалось на пол и воняло в течение всего дня, сжигая легкие и мутя рассудок.

Мужчине ничего не стоило разговорить мальчишек, заставить их выболтать про себя абсолютно все. Похожий на него паренек оказался круглым сиротой. Родители его померли год назад, и из родных осталась только тетка, с которой он уже давно не общался: семьи были в ссоре настолько давней, что о ее причине никто и не помнил. Ребята высадили своего приятного попутчика в Бресте, а сами отправились дальше в Клайпеду. Куда путь их попутчику, естественно, был закрыт – граница. Мужчина оказался в цивилизованном обществе, пора было подумать о документах, которые позволили бы ему войти в него.

Ночь прошла продуктивно. Вернер был неутомим, и Анна даже обрадовалась, когда наступило утро.

– Придется тебе самой сходить за покупками, – озабоченно произнес Вернер, отправляясь в свою контору. – Найдешь дорогу до магазина, где мы были вчера?

– Разумеется, – заверила его Анна.

И как только Вернер исчез из поля зрения, она отправилась к почтовому ящику. Извлекла из него несколько писем от очередных жаждущих новой жизни девушек, разорвала их на мелкие кусочки, затем отправилась к ближайшей продуктовой лавочке. Толкнув дверь, Анна оказалась в уютном небольшом помещении, сплошь заставленном стеллажами и холодильниками с разнообразной снедью. Выбор тут был ничуть не меньше, чем во вчерашнем магазине. А цены даже немного ниже. Анна так увлеклась самостоятельными покупками, что не заметила пристальных взглядов двух женщин. Очнувшись она, лишь услышав почти у себя над ухом:

– Снова у него новенькая. Где он берет этих дурочек? Которая уже за последний год?

– Я сбилась со счета на шестой, – ответила другая фрау. – После ухода Моники он совсем рехнулся. Хочет досадить ей, но пока у него это плохо получается. Девчонки-то не приживаются в его доме. Хотя, казалось бы, чего не жить?

Моникой звали жену Вернера. Анна начала прислушиваться.

– Едут и едут, – возмущалась первая. – Куда их матери смотрят? Таскаются к старым мужикам, сами работать не хотят. На какой панели он выискивает этих маленьких развратниц?

Анна вытянулась во весь рост – в свои полтора метра – и с достоинством произнесла:

– Которые к тому же отлично говорят по-немецки. Вот что я вам скажу, старые сплетницы, прикусите свои грязные языки и зарубите себе на носу, что на мне ваш драгоценный Вернер женится и я буду жить в его доме. Привезу сюда моего брата – он у меня недавно вышел после десяти лет отсидки в тюрьме за убийство. Ему полезно тут отдохнуть. И второго моего брата, который постоянно пьет и бегаёт по деревне с топором.

Домой Анна вернулась во взвинченном настроении. Званный обед с женой Вернера должен был состояться менее чем через полчаса. Поэтому Анна запихнула все замороженные полуфабрикаты в микроволновку, чтобы они побыстрее оттаяли, а сама, перепрыгивая через ступеньки, поднялась в спальню. Привела нервы в порядок, приняла душ и, убедившись, что вся ее краса по-прежнему при ней, почувствовала, что вполне готова приняться за обед. Бодро насвистывая себе под нос незамысловатую песенку, она вприпрыжку стала спускаться по лестнице к призывно звеневшей микроволновке. Внезапно она ощутила, как ее тело стало невесомым и она куда-то летит. Волшебное ощущение длилось всего несколько секунд. В следующие минуты Анна уже горько жалела, что всегда так быстро спускается по лестнице, что зря приехала в Германию, да и вообще с появлением на свет явно поторопилась.

– Ох! Ох! Ох! – воскликнула Анна, пересчитывая разными частями тела ступени и ударяясь о стены и лестничные перила.

Оказавшись внизу, она не верила, что еще жива.

Снизу из холла, да еще когда лежишь на полу, лестница казалась необыкновенно крутой. Вдоволь насладившись этим зрелищем, Анна осторожно попыталась поднять себя. Руки повиновались ей, после некоторых колебаний подчинились и ноги, а вот голова гудела, словно церковный колокол, и перед глазами плавали какие-то круги и мельтешили противные мухи.

– Вернер, – слабым голосом прошептала Анна.

К ее удивлению, дверь распахнулась и в холл влетел бодрый и веселый Вернер. Увидев распростертую у подножия лестницы Анну, он вскрикнул и бросился к ней:

– Девочка моя, что с тобой?

– Ты идиот, – прошипела Анна по-русски, как всегда это бывало в критических ситуациях. – Я грохнулась с твоей проклятой лестницы.

– Ты упала с лестницы?! – догадался Вернер, а догадавшись, ужаснулся. – Тебя надо немедленно в больницу!

– Не надо, – заверила его Анна по-немецки. – У меня все в порядке. Помогите мне только подняться на ноги.

Приняв вертикальное положение, Анна убедилась, что ей немедленно стало лучше. Видимо, голова у нее была значительно крепче лестничных перил. Анна нерешительно потрясла головой и убедилась, что она не кружится и в глазах больше не двоится. Зато, попытавшись сделать шаг, поняла, что другие части тела пострадали значительно сильнее.

– Посмотри, что у меня там, – попросила она Вернера, оголяя левое бедро.

– Ання, – ахнул любовник. – Это ужас! Ты могла погибнуть!

– Не надо драм, – прошипела Аня. – Просто скажи, сильно я ударилась?

Вернер молча подхватил ее на руки и отнес к зеркалу.

– Ого! – воскликнула Анна, увидев огромное фиолетовое пятно, которое расплзлось просто на глазах.

Ощупав голову, она убедилась, что шишки тоже стремительно увеличиваются в размерах.

– Аннья! – тем временем стонал Вернер, ползая возле Аниных коленей и целуя поврежденные части тела. – Ты могла умереть.

– Что ты каркаешь, – прикрикнула на него Аня. – Иди лучше приготовь мясо для твоей мадам.

Вернер послушно затрусил на кухню, а Анна, дивясь своему мужеству, начала карабкаться по лестнице обратно в спальню. Почти добравшись до верха, она снова грохнулась.

– Совсем плоха стала, – констатировала она и предпочла двигаться дальше на четвереньках.

Таким манером Анна и добралась до своей ванной комнаты. На этот раз она не удовольствовалась душем. Наполнив ванну горячей водой с пеной, она представила, что сказал бы на такое расточительство Маркус, который даже «купался» в умывальнике. Улыбнувшись и довольно урча, женщина погрузилась в воду. Однако воспоминания о прежнем возлюбленном никак не хотели покидать ее.

– А ведь он любил меня, – прошептала Анна.

По возрасту Маркус подходил Анне значительно больше Вернера. Ему не было еще и тридцати и в Анне он не чаял души. Но к сожалению, у него была одна слабость. Конечно, мужчин без недостатков не бывает, в этом Анна давно убедилась, но у одних эти недостатки более приемлемы, а у других – менее. Одни пьют, другие гуляют, третьи спускают в рулетку все состояние, а четвертые просто скоты. Маркус не принадлежал ни к первым, ни ко вторым, ни к третьим и даже ни к четвертым. Этот человек был просто ужасно скуп. Нет, бывают экономные люди, это качество Анна только приветствовала. Копить ради накопления это прекрасно, но только излишки, которые остаются после ежегодного путешествия на море, трехразового полноценного питания и покупки уютного маленького домика. Маленького – это когда на двоих, а когда семья вырастает, домик тоже должен пропорционально увеличиваться в размерах. Маркус копил самозабвенно, экономил на всем. Чаще всего на мелочах, таких важных в повседневной жизни.

Например, Аня любила покушать, а Маркус уверял, что одноразового питания вполне достаточно, больше есть просто вредно. Анна любила приобретать обновки, хотя бы по одной в месяц, а Маркус говорил, что любит ее такой, какая она есть, и ему не важно, во что она одета. И еще он экономил на цветах для любимой, на духах для желанной и прочих маленьких радостях для своей милой. На себе он, впрочем, тоже экономил, и какое-то время Анну этот факт примирял с ним.

Однако после его отказа купить лекарство, когда ей стало плохо с сердцем, Анна призадумалась. А раз призадумавшись, она начала опасаться, что если ее, например, хватит приступ аппендицита, Маркуса снова обуяет скупость и он не вызовет врача. Вдруг страховка не покроет расходов! Хорошенько осмотревшись, Анна выбрала из окружения Маркуса самого расточительного и вцепилась в него мертвой хваткой.

К сожалению, воспоминания о следующей ее жертве прервал Вернер. Внизу раздались его вопли, он кричал, что обжегся кипящим жиром и жить ему осталось несколько минут. Если Анна хочет застать его живым, то пусть поторопится. Анна со вздохом выбралась из ванны. Синяки проступили еще отчетливей. К тому же Аня знала, что через пару дней они приобретут мерзкий зеленовато-желтый оттенок. Тяжело вздохнув еще раз, она натянула на себя джинсы и свитер с высоким горлом. Шишки на голове замаскировала волосами. И бодро поскакала вниз, тщательно держась за перила.

– Милая, – простонал Вернер, протягивая ей обрызганную жиром руку, – я умираю.

– Я тоже, – сообщила ему Анна. – Может, пока незаметно, но это так.

– А гости на подходе, – пожаловался Вернер.

– Пусть сами готовят себе обед, – заявила Анна и, приволакивая ногу, удалилась прочь.

Гости не заставили себя ждать. Их оказалось даже больше, чем рассчитывал Вернер. Кроме Моники и ее нового друга, снова пришла Кати со своим непальцем, а также какой-то их друг и друг их друга. Все они неожиданно ввалились к Кати в дом, когда хозяева уже собирались уходить, и пришлось брать неожиданных гостей с собой. Только через четверть часа Анна поняла, что новые лица в их обществе интенсивно голубого цвета. До сих пор Анна была уверена, что среди мусульман этот грех карается еще строже, чем во всем остальном мире. Поэтому она долго не могла поверить, что новые знакомые, эти мусульманские ребята, – педики. Радж был родом из Индии, а второй – Фесил – из Пакистана. Однако пришлось поверить. Анна, углубившись в свои размышления, совсем не замечала, что ест какие-то лохмотья вместо запланированных копченых колбасок.

– Что-то твоя подруга сегодня совсем разленилась, – неожиданно услышала она язвительный голосок Кати. – Стала готовить совсем, как я, и даже хуже.

– Не цепляйся к ней, – попросил Вернер. – Аннья сегодня упала с лестницы.

– И осталась жива?! – удивилась Кати. – Помню, когда...

– Кати! – прервала ее мать. – Не за столом.

После обеда гости продолжили начатую за едой светскую болтовню, припоминая городские сплетни, и Анна заскучала, потому что не знала никого из действующих лиц. Голубые ребята тоже не веселились, они жили в другом городе и тоже никого здесь не знали.

– Пошли наверх, – предложила им Аня. – Я покажу вам дом.

Ребята с радостью восприняли ее предложение. Поднявшись по лестнице на второй этаж, Анна снова споткнулась.

«Что это со мной? – с досадой подумала она. – Совсем расклеилась».

Но следовавший за ней Радж тоже споткнулся, а Фесил просто грохнулся на пол. Такое странное совпадение заставило Анну пристальней посмотреть себе под ноги. Визуально все было в порядке. Чтобы окончательно в этом убедиться, она помахала в воздухе рукой, и неожиданно ее ладонь нащупала тонкую леску, натянутую над ступенькой. Совершенно бесцветную, ее было почти невозможно заметить, пока на нее не наткнешься.

Анна тихо ахнула и опустилась на корточки. Сомнений не было, через всю лестницу тянулась тонкая леска. Именно из-за нее Анна сегодня чуть не распрощалась с жизнью.

– Ну это уж слишком! – возмутилась Анна. – Что тут происходит?

Увидев, что их провожатая почему-то сидит на лестнице, тупо таращась на ступеньки, Фесил с Раджем поспешили к ней.

– Ты в порядке? – осведомился Радж, заботливо трогая ее за плечо.

– В каком, к черту, порядке! – возмутилась Аня. – Вы только посмотрите на это!

– Это леска, – после внимательного изучения сообщил ей Фесил. – Дети привязали. У меня дома есть пять младших братьев и три сестренки. Они раньше часто так развлекались.

– В этом доме маленькие дети в последний раз были лет десять назад. Не могла же леска с тех пор здесь висеть? – отрезала Анна.

– Нет, конечно, – согласился Радж. – Значит, кто-то другой приспособил ее. Кто-то хотел, чтобы ты сломала шею.

Такая редкая пронизательность заставила Анну похолодеть и броситься в атаку.

– Почему именно меня? – спросила она. – Кроме меня, здесь живет еще и Вернер. Он хозяин, а я так. Разве не правильнее будет предположить, что покушались на него?

– Не хотел тебе говорить, чтобы ты напрасно не расстраивалась и не пугалась, – продолжил Раджи, – но вижу, что дело серьезное. Поэтому слушай. Ты не первая девушка, которая

гостит в доме Вернера. Если точнее, то только я видел целых три... – Получив тычок от Фесила, Радж замолчал.

– Мне это уже говорили, – нетерпеливо сказала Аня. – Но при чем тут я?

– Все эти женщины таинственно исчезали, а перед этим тоже падали с лестницы и еще...

Ты с яблони не падала? А в ванне тебя током не било? А...

– Хватит! Хватит! – закричала Анна. – Я поняла. И кто, по-вашему, все это делал?

– Не знаем, – пожал плечами Фесил. – Раджу вообще не стоило тебе об этом рассказывать. Нам Санджай сообщил под большим секретом, мы с ним целый год в одной комнате в общежитии жили и очень дружили. Это потом он познакомился с Катей, и ему понадобилась отдельная квартира. Но мы все равно продолжаем с ним дружить. И несколько месяцев назад он нам под большим секретом сказал, что родители Кати расходятся. Мать ушла жить к другому, а отец решил ей насолить и начал вызывать к себе молоденьких девчонок, якобы с целью женитьбы. Только жениться он не собирался, да и девушки у него не задерживались. Вечно с ними случались разные истории, а потом они и вовсе исчезали. Часто оставляя даже подарки, что он им дарил. Мы даже заключали пари, сколько его очередная подружка продержится.

– Вот я и подумал, а что, если они не просто исчезали, а их убивали? – продолжил Радж. – Правда, здорово?

Анна ничего здорового в этом не видела, особенно понимая, что ей в этом доме жить еще два месяца и три недели.

– А почему вы считаете, что Вернер не собирался жениться? – с трепетом в голосе спросила Анна.

– Потому что он до сих пор любит мать Кати, – уверенно ответил Фесил. – Все это он затеял, чтобы она в порыве ревности вернулась к нему.

Анна заскрежетала зубами. Но в этот момент в гостиной раздался женский крик. Все трое вздрогнули и поспешили вниз. Леску Анна сняла, и на этот раз обошлось без травм.

– Что случилось? – вбегая в гостиную, спросила Аня.

– Ты не можешь этого сделать! – не обращая на нее внимания, кричала Катя отцу. – Совсем, что ли, рехнулся? Прожил с матерью столько лет, а теперь хочешь все зачеркнуть?

Моника сидела с бледным видом, и даже у ее благообразного приятеля вытянулось лицо.

«Ага, – с удовлетворением подумала Анна. – Кажется, мне повезло. На этот раз Вернер решил перейти от слов к делу. Только почему Моника не радуется? Она ведь хотела выйти замуж за своего ухажера. Иначе зачем было переезжать к нему. Да и Том тоже неважно выглядит. Что с ними?»

– Катя, замолчи, – решительно прервала Катю мать. – Отцу видней, как ему следует поступить. В конце концов, это его право. Я только прошу тебя, – обратилась она к Вернеру, – не предпринимай никаких шагов до того, как повидеешься с Евой. Она же всегда была твоей любимицей, ей будет тяжело узнать, что ее мнение для тебя ничего не значит. Обещаешь мне?

– Хорошо, – пробурчал Вернер. – Она ведь не станет слишком испытывать мое терпение? Когда она точно прилетает?

– Билеты у них в ночь на среду. Здесь они будут в ближайший четверг. Вот тогда все и решите, – ответила Моника.

– И этот с ней летит? Только его здесь не хватало, – возмутился Вернер. – Ему-то что надо?

– У него отпуск. Он решил провести его с семьей своей жены, – невозмутимо пояснила Моника. – И не устраивай сцен!

– Я?! – задохнулся от возмущения Вернер. – Это он вечно допытывается, сколько я беру за заранее проигрышное дело и много ли у меня за год набирается подобных дел. Мне что, ему налоговые отчеты показать? И почему только из-за того, что этот стоматолог женат на моей

дочери, я должен отчитываться перед ним? Я же не спрашиваю, сколько в день он ставит пломб и какой имеет доход.

– Он всего лишь хотел быть ближе к тебе, – попыталась возразить Моника.

– Не понимаю, как моя дочка могла выйти замуж за такого типа, – не слушая ее, продолжал Вернер. – Он значительно больше подошел бы вам с Кати. Точно так же думает только о деньгах.

– Ну это уж слишком, – возмутилась Моника, вставая. – Нам пора. Спасибо за чудесный ужин.

– И, главное, вкусный, – направляясь следом за ней к двери, съехидничала Кати.

Их кавалеры тоже поспешно попрощались и ушли следом.

– Ваши семейные обеды всегда так весело заканчиваются? – спросила Анна, когда они с Вернером остались наедине.

– На Рождество иногда доходит до рукопашной, – кисло ответил Вернер. – У нас осталось пять порций клубничного мороженого с шоколадной крошкой. Ты не хочешь? У меня на клубничное мороженое аллергия, я его никогда не ем. В следующий раз покупай для меня ванильное.

– Ладно, – покорно согласилась Анна. – Сейчас же схожу и куплю другое.

– Сейчас не надо, – поспешно остановил ее Вернер. – В ближайших магазинах мороженое не продается, а я не хочу, чтобы ты далеко уходила. Уже темно, а ты сегодня и так намучилась. Ложись спать. Потом успеешь купить. Я так понимаю, что в четверг сюда прибудет вся семейка. Поэтому купить надо побольше. Но у нас до этого еще есть четыре дня, и мы совершим с тобой небольшой тур по Парижу. Ну, иди.

– А ты? – спросила Анна.

– А мне еще надо поработать над одним делом, – ответил Вернер. – Ты меня не жди. Я могу засидеться до ночи. Нужно о многом подумать.

«Мне тоже нужно о многом поразмыслить, – думала Анна, забираясь в их огромную кровать. – Например, какого черта он не хочет, чтобы я ходила в ближние магазины? А он явно этого не хочет, иначе зачем ему врать, что там нет мороженого. Я ведь сама сегодня его покупала в магазинчике в двух шагах от нашего дома? Может, боится, что там многое знают о нем и его многочисленных девушках, которые таинственно исчезали?»

– Точно! – подскочила Анна на постели. – Верно, есть что скрывать пострашнее аморального поведения или просто беспокоиться, что, узнав про выходки его прошлых пассий, я последую их примеру!

Заснуть ей удалось не сразу, но тем не менее Вернера она не дождалась. Он засиделся до полуночи, а утром Анна почувствовала, что вчерашнее падение не прошло для нее даром. Самочувствие было прескверное, и она даже не пошла провожать Вернера до калитки. От завтрака, состоявшего по-прежнему из яиц всмятку и тостов, она тоже отказалась. Весь день Анна провела в постели и вылезла из нее буквально за несколько минут до того, как раздался телефонный звонок.

Звонил Вернер и на этот раз весьма решительно приглашал ее в ресторан. Анна подумала, что, сидя весь вечер в огромном пустом доме, она прямо-таки искушает неведомого злоумышленника вломиться и учинить над ней насилие. Поэтому она поспешно поблагодарила Вернера за приглашение и начала собираться.

Вернер повел Анну явно в очень дорогой ресторан. Так как Анна явилась в джинсах и кофточке, то он предварительно отвел ее в бутик, где приобрел роскошное черное платье, мерцавшее словно звездная ночь. К платью полагались туфли, стоявшие дороже, чем вся обувь, которую Анна сносила за свою жизнь. Но это было еще только начало.

Усадив Анну за стол, Вернер протянул ей меню. У Анны захватило дух при виде ценника, к тому же стоимость блюд была названа в долларах.

– Возьми лангуста, – посоветовал Вернер.

Анна начала искать упомянутого зверя среди гарниров и грибов, но не нашла. Среди рыбы и мяса его тоже не нашлось. Пришлось смотреть среди специальных горячих блюд. Наконец в одном ряду с бифштеком из мяса крокодила и тушеных лягушачьих лапок она наткнулась на лангуста. От его цены глаза у Анны полезли на лоб, но она мужественно согласилась на лангуста.

Утомленная яично-тостовой диетой, Анна с энтузиазмом поглощала душистое нежное мясо, не замечая особо торжественного вида Вернера. Он заказал удивительно приятное белое вино, которое как-то незаметно было выпито.

– Анна, – проникновенно сказал Вернер, – хочу сказать тебе нечто важное.

Аня насторожилась. Вернер умудрился не исковеркать ее имя, это кое-что значило.

– Прошу тебя стать моей женой, – вцепившись в десертную вилку, словно она была его единственной надеждой, проговорил Вернер.

У Анны отнялась речь. Она открыла рот и тупо уставилась на Вернера, соображая, достаточно ли она хорошо знает язык, нет ли тут какого подвоха. А то вдруг он спросит, как ему быть с его женой или стоит ли ей самой быть его женой. Или еще что-нибудь к делу не относящееся. Вернер истолковал ее молчание по-своему.

– Ты не согласна! – заключил он.

– Я согласна! – поспешно заверила его Аня, как-то сразу обретя дар речи. – Я только об этом и мечтала.

– Это чудесно! – просиял Вернер. – Тогда возьми вот это.

И он достал маленькую коробочку, в которой лежало чудное обручальное колечко со славным таким бриллиантом каратов в пять.

– О! – пискнула Аня. – Спасибо, милый.

– Это еще не все, – сказал Вернер. – Но про остальное узнаешь потом.

– Когда потом? – с любопытством воскликнула Анна.

– Совсем потом, – отрезал Вернер и потребовал шампанского.

На взгляд Анны, этот вечер удался на славу. Она разом приобрела новое платье, туфли, кольцо и немного подержанного жениха. И хотя мама всегда уверяла Анну, что мужики не коньяк, с возрастом лучше не становятся, она как-то не брала это в голову. Домой они вернулись поздно вечером. По дороге на них никто не напал, и в доме в их отсутствие тоже никто не побывал. В этом Анна убедилась, обойдя все свои ловушки. Мука, рассыпанная возле входной двери, была девственно белой, а прозрачная пленка, которую она наклеила на все окна, была цела. Казалось, все было в полном порядке. Но тут зазвонил телефон, и вся Анина эйфория куда-то улетучилась, а в животе противно заныло. Подняв трубку, она поняла, что предчувствие ее не обмануло.

– Передай этому подонку, – сказал хриплый женский голос, – что ему от меня так просто не отделаться. Я в состоянии испортить всю его карьеру, если заявлюсь к нему на работу и расскажу о его проделках.

Аня бросила трубку, но телефон зазвонил снова. На этот раз Аня сделала вид, что не слышит, и к аппарату подошел Вернер. Но с ним разговаривать отказались.

– Должно быть, из парижского отеля, который я забронировал, – предположил Вернер. – С собой ничего не бери. Все необходимое купим в Париже.

И он вытащил ничего не понимающую Анну на улицу, где их уже ждало такси.

– Хочу, чтобы это было бегство, – сообщил ей Вернер. – Похищение прямо с порога дома, понимаешь?

Анна всерьез встревожилась по поводу умственных способностей своего жениха. Казалось, они покидают его прямо на глазах. Однако напрасно беспокоилась. Поездка оказалась на редкость приятной. Они провели три чудесных дня и вернулись домой умиротворенные и

довольные друг другом. Но стоило им войти в дом, как зазвонил телефон. Аню по привычке кинуло в жар, и она протянула трубку Вернеру.

– Звонила Ева. Они приехали, – сообщил ей Вернер, закончив разговор и отключив трубку. – Завтра нам предстоит выдержать сражение, от которого зависит наше с тобой будущее. Но ты не бойся, я тебя в обиду моей жене и младшей доченьке не дам. А старшая у меня ангел, а не девочка. Да и что они могут сделать?

Анна его легкомысленного отношения к предстоящему банкету не разделяла. Весь день ее трясло как в лихорадке. Сначала она объясняла свое состояние похмельем после вчерашнего приема вина и французского шампанского. Однако даже после того, как она влила в себя две бутылки «Хольстена», трясти ее не перестало.

– Надо взять себя в руки, – решила Анна после того, как у нее из рук второй раз выскользнул разделочный нож, и она чудом не отхватила себе при этом большой палец.

Глубоко вздохнув, девушка уняла противную дрожь в руках, схватила сумку с деньгами и отправилась за покупками, надеясь немного развеяться.

«Что там Вернер вещал про десерт? – наморщив лоб, пыталась вспомнить Анна. – Хотел мороженое, это я точно помню. Но вот какое?»

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от всех предыдущих, новый Анин статус никак не отразился на меню завтрака, ритуальном поцелуе в щечку возле калитки и перечне ее сегодняшних обязанностей. А потому в голове у бедной Ани все перепуталось и перемешалось. Она никак не могла припомнить, надо ли ей купить яблочное мороженое или достаточно испечь шарлотку.

– Нет, так нельзя! – возмутилась Анна, стоя в магазинчике возле стеклянного прилавка, где лежало до пятнадцати разных сортов мороженого.

Продавец испуганно на нее покосился и зачем-то начал шарить рукой под столом. Анна продолжала стоять, не зная, на что решиться. Продавец нервничал все сильнее. Неизвестно, чем бы все это кончилось, может, с продавцом случился бы сердечный приступ или он вызвал бы полицию, но Анна наконец-то решилась.

– Каждого сорта по триста граммов, – попросила она.

Продавец чуть побледнел, но послушно принялся накладывать мороженое в отдельные прозрачные коробочки.

– Пусть не думают, что мне для них что-то жалко, – пробормотала Аня, притащив четыре с половиной килограмма мороженого домой.

Коробочки с мороженым заняли всю морозильную камеру. На мясо и замороженные овощи, которые там до этого хранились, места не хватило. Пришлось поджарить и потушить все три килограмма мяса с несколькими пакетами овощей. Анна выбрала самую большую кастрюлю, и дело закипело. Поскольку замороженное тесто тоже могло испортиться, Анна испекла пирог, используя для начинки все то же повидло собственного производства. Потом она нарезала два овощных салата. Один из помидоров, сладкого перца и лука-порея, а второй из огурцов, яиц, зеленого салата и разнообразных травок. Их она прихватила из ящичков, стоявших в сарае милых старушек. Хозяек травок не было дома, и некому было разрешить Анне воспользоваться приправами. Вот и пришлось Анне самой как-то выкручиваться.

Потом она вспомнила, какие чувства испытывала, когда в гостях не видела на столе мясных закусок, и нарезала блюдо ветчины, несколько сортов колбас и поставила еще один салат из кукурузы, копченого окорока и риса. Теперь на стол при всем желании нельзя было больше ничего втиснуть. Кроме... И Анна метнулась за баночкой черной икры, которую привезла Вернеру в качестве сувенира или закуски к водке, это уж как получится. Но сейчас Анне показалось, что икре найдется лучшее применение. У нее, к счастью, остался кусок теста, и она напекла дюжину маленьких изящных корзиночек, в которых икра в обрамлении зелени и с розочкой из сливочного масла смотрелась просто восхитительно.

Попутно Анна продолжала отбивать телефонные атаки девушек, которые желали разговаривать с Вернером. Всем Аня говорила, что они с Вернером обручились, и просила больше их дом не беспокоить. Казалось, все шло хорошо, как вдруг под вечер позвонила та хриплая наглая баба, которую не удовлетворило Анино объяснение.

– Почему он выбрал тебя? – недоумевала баба, причем Анна услышала отчетливое бульканье на другом конце трубки. – Я послала ему свои лучшие фотографии. А сейчас нахожусь у родственников в Гамбурге и хочу видеть своего нареченного. Ты мне мешаешь!

– Вы опоздали, – довольно вежливо возразила ей Аня.

– А мои фотографии? – тоном базарной торговки завопила женщина. – Пусть вернет фотографии. Там я и мои кошки. Целых три штуки. Очаровательные! Пусть вернет, а не то мы с друзьями заявимся к нему и такое устроим, что ему жизнь станет не мила.

Аня с ужасом вспомнила костер в осеннем саду, в который она кинула фотографии кошек. Надо было как-то выкручиваться.

– Понимаете, мы делали ремонт и куда-то засунули ваши фотографии. Никак не можем найти, – соврала она.

– Что за бред! – не поверила ей собеседница. – Если он оставит их себе, то пусть платит мне пятьсот марок за моральный ущерб. А нет, так я устрою, у него на работе будут крупные неприятности, а тебя и вовсе не пустят в Германию. У тебя ведь гостевая виза. Так вот, больше тебе визы не видать. Это в моих силах устроить. Я вас разлучу.

– Что вы мне угрожаете, я обращусь в полицию! – рассердилась Анна.

– Не надо в полицию, – совершенно неожиданно испугалась собеседница. – И вообще я сейчас не могу говорить, у меня придет друг с минуты на минуту. Собираемся приятно провести вечер. Я еще позвоню. – И обнадежив этим обещанием Аню, собеседница повесила трубку.

Вернер явился домой под вечер. При виде накрытого стола он с отвисшей челюстью прислонился к дверному косяку.

– Кого еще мы ждем? – слабым голосом поинтересовался он у Анны. – У меня не наберется столько родственников, чтобы съесть все это.

Но Анне было не до него. Время поджимало, и она помчалась наверх переодеваться. Когда девушка вернулась во всем блеске своего нового платья, Вернера в гостиной не было. Анна отправилась его искать и обнаружила возле открытой дверцы холодильника: Вернер беспомощно созерцал в его недрах горы мороженого...

– Боже мой! – тихо причитал бедный немец, павший жертвой русского гостеприимства. – Они же никогда не уйдут! Мы будем вынуждены терпеть гостей не один день, пока все не съедим.

Однако долго убиваться ему не пришлось. В дверь уже ломались. Первыми пришли Кати со своим южанином. Потом явились Моника со своим рентгенологом Гансом и еще один милый старичок. Поцеловав Анне ручку, он сразу же забился в кресло, да так и остался сидеть в нем, не сводя глаз с Моника. Последними прибывшими были Ева со своим мужем. Всякий, кто видел их в первый раз, невольно задавался вопросом, что держит такую красавицу и умницу рядом с этим заморышем, да еще с на редкость нудным характером и скверным чувством юмора.

Вернер не солгал, Ева не могла не понравиться. Помимо красоты, у его старшей дочери была широкая приветливая улыбка, которая частенько играла на ее лице. А если вкратце описать ее внешность, то у Евы были длинные густые волосы, чистые синие глаза и чудесная кожа. С ее мужем Томом дело обстояло значительно хуже. Он был рыжий, длинный и весь какой-то нескладный. От взгляда его выпученных блеклых глаз просто мороз подирал по коже.

– Здравствуйте, – буркнул он и немедленно присосался к Аниной руке.

– Добрый вечер, – с трудом вернув себе свою конечность, ответила Анна. – Милости просим, – это уже относилось к Еве.

При виде изобилия, царившего на столе, гости немного опешили, но, как Анна и ожидала, быстренько сообразили, как им вести себя дальше. Один Вернер оставался растерянным и довольно кислым. Мало ел, мало пил и лишь недовольно покряхтывал, когда Том подносил ко рту очередную корзиночку с икрой.

– Выпьем за прекрасную хозяйку этого дома! – провозгласил наконец Том.

Монику перекосило словно от зубной боли, Кати демонстративно отставила бокал, а Ева оказалась в трудном положении. С одной стороны, ей не хотелось обидеть мужа, а с другой – выпить бокал она тоже не могла. Поэтому только подняла его и сразу же ловко опрокинула содержимое на ковер.

– Ничего страшного, – заверил ее Вернер. – Он уже прошел крещение. Выпьем лучше за то, что я нашел человека, который согреет мою старость своим теплом.

Монику перекосило еще сильнее, а Кати решила этим вечером вообще больше не пить.

– Наконец-то я счастлив, – продолжал как ни в чем не бывало Вернер. – Хочу вам всем сообщить известие, которое должно вас порадовать, если вы меня хоть немного любите. Вчера я сделал Анне официальное предложение, и она согласилась стать моей женой со всеми вытекающими обстоятельствами.

За столом воцарилось томительное молчание. Все обдумывали, что нужно сказать, чтобы не обидеть кого-нибудь из бывших супругов.

– Ты любишь? – спросила Ева.

– Люблю, – ответил Вернер, почему-то глядя на Монику. – И женюсь, как только получу развод. Думаю, что за этим дело не станет. Ты ведь не против, дорогая?

– Ничуть, – справившись со своими лицевыми мышцами, заверила Моника. – Я сама жду этого не меньше тебя.

– А как же мы?! – растерянно проговорила Кати. – У нас с Евой больше не будет папы и мамы. А будет отдельно папа, а отдельно мама? Чем мы сможем это компенсировать?..

– Если ты об этом, то в своем новом завещании...

– Новом завещании?! – раздался удивленный хор голосов.

– Да, я решил, что мое завещание десятилетней давности уже не годится. Ведь обе мои дочери выросли и вышли замуж, а стало быть, о них есть кому позаботиться. А моя жена теперь вообще жена другого человека. Поэтому необходимо внести в завещание коррективы. И с этим медлить не следует. Жизнь коротка, и я не хочу, чтобы из-за моей нерешительности пострадала та, которую я люблю больше всех на свете.

– Не обольщайся, теперь это уже не ты, – ехидно прошептала Кати на ухо сестре.

– Папочка, ты хорошо подумал? – вкрадчиво спросила Ева у отца. – Ты уверен в своих чувствах? Может, вы с Анной еще недостаточно знакомы, чтобы принимать такие скоропалительные решения?

Аня почувствовала, как ее былая симпатия к Еве стремительно испаряется.

– Я уверен, – твердо сказал Вернер. – И могу рассказать тебе, какая Анна чудесная девушка, да ты со временем и сама ее полюбишь. Все вы ее полюбите.

В его словах слышалась угроза. Поэтому родственники сочли за лучшее пока замять болезную тему и переключились на занятие значительно более приятное – поглощение горячего. Невзирая на чувства, которые родные Вернера испытывали к Анне, горячее прошло, как говорится, на ура. Гости отвалились от стола только после того, как в огромной посудине, которую Анна приспособила вместо соусника, не осталось ни кусочка мяса и ни стручка зеленой фасоли.

– А нас еще ждет десерт, – довольно сообщил Вернер, уже простивший Анне ее расточительство.

– А что на десерт? – ковыряясь в зубах, осведомился Том.

– Сладкий пирог и мороженое, – подсказала Аня.

– Я люблю ореховое, причем орехи должны быть лесными, а моя жена любит с ягодами и тоже лесными, – тут же заявил Том. – Надеюсь, оно у вас есть?

– Есть, – торжественно заверила его Аня, довольная, что, закупив столько сортов мороженого, она не прогадала.

Подали свои голоса и остальные присутствующие на обеде. Выяснилось, что никто не любит фисташковое, персиковое и ананасовое мороженое, а вот с ромом любят и Кати, и Санджай. Анна встала возле холодильника и выдавала каждому персональную коробочку с наименованием содержимого. А счастливый обладатель уже по своему желанию выкладывал холодный десерт в вазочку, блюдечко, добавлял в кофе или заливал жидким шоколадом. Лишь Вернеру Анна отнесла его мороженое лично. Он так объелся, что просто был не в состоянии дойти до кухни, где происходила раздача лакомства.

– Ванильное? – уточнил Вернер.

– Оно самое, – подтвердила Аня. – Хочешь, я посыплю шоколадом или залью сиропом?

– И то и другое, – распорядился Вернер. – И положи сверху несколько консервированных вишен и горсть засахаренных орешков.

Анна со священным ужасом следила, как вся эта бело-коричнево-красная груда перековыривалась внутри Вернера. И она была не одинока.

– Тебе не будет плохо? – заботливо поинтересовалась у мужа Моника.

– Мне будет хорошо, – решительно отрезал Вернер. – Анньечка, у нас ведь осталось еще немного фисташкового? Принеси его тоже. Можешь ничем не посыпать, разве что добавь несколько кусочков шоколада.

Внутренне содрогнувшись, Анна притащила ему следующую порцию. А Моника, припомнив, что осталось еще персиковое и ананасовое, благоразумно воздержалась от комментариев. Наконец все утомонились и расселись в креслах и на диванах, чтобы немного прийти в себя после обильного угощения. Анна хотела было предложить потанцевать, но подумала, что ее могут неправильно понять, подумать, что издевается, и прикусила язык. Все говорили на ничего не значащие темы, а сами думали о том, как бы половчей вернуться к обсуждению завещания.

Для этого семья Вернера разработала целый план. Том выманил Анну в зимний сад, якобы для того, чтобы посмотреть на только что зацветшие орхидеи. Кати пошла с ними, как она выразилась, следить за тем, чтобы не пострадала честь сестры, а сама сестра осталась уговаривать своего папу не спешить с оформлением нового завещания.

Ева начала издалека, со своих младенческих лет. Напомнив отцу, какой славной девочкой она была, как он любил катать ее у себя на коленях, как смеялся над ее шалостями, гордился ее успехами в школе, Ева решила, что папа достаточно размяк.

– Я никому не говорила, хотела, чтобы ты узнал первым, – с многозначительным видом сказала она. – Дело в том, что я жду ребенка. А ты станешь дедом.

– Ева! Это замечательная новость! – возликовал Вернер.

– И не скрою, мы с Томом очень рассчитывали на твою помощь и на средства, которые должны достаться мне в наследство. Ведь обучение стоит так дорого, и потом нам нужно купить свой дом, потому что хозяйка квартиры, где мы сейчас живем, не берет постояльцев с детьми.

– Значит, Тому ты все-таки рассказала первому? – ревниво заметил Вернер. – Может, и мать знала? Моника, – крикнул он, – ты знала, что скоро станешь бабушкой?

– Мне Том сказал, – откликнулась Моника, которая тактично устроилась подальше от беседующих и разглядывала журналы полувековой давности.

– Вот пусть Том и ломает себе голову над тем, как обеспечить своего ребенка, – надулся Вернер. – И это вовсе не значит, что я не рад внуку. Просто считаю, что в жизни надо испытать все, а трудности закаляют характер и волю.

Ева потеряла дар речи, а Вернер сварливо продолжил:

– Того, кто еще раз поднимет эту тему, вообще вычеркну из завещания. Я вижу, что только такой язык вы понимаете. Слепец, я прожил жизнь, думая, что окружен любящими людьми, а им нужны были от меня только мои деньги. От тебя, доченька, я этого никак не ожидал. Должно быть, Том на тебя плохо влияет. А теперь, если не возражаешь, я пойду и прилягу, что-то я неважно себя чувствую. Можешь сказать мужу, пусть смело пьет мой коньяк. Я все равно знаю, что это он тобой руководит.

– Папочка, но ты разрешишь нам остановиться у тебя? – спросила Ева. – Дело в том, что у мамы очень тесно.

– Конечно, оставайтесь, – махнул рукой Вернер. – Можете свободно чувствовать себя. И пошли кого-нибудь сказать Анне, чтобы она поднялась ко мне.

– Тебе нехорошо? – встревожилась Моника.

– Кому угодно станет плохо, если у него откроются глаза и он поймет, как на самом деле к нему относится его семья. Именно это я сегодня и понял.

И Вернер стал тяжело подниматься по лестнице. Стоило ему лечь, как в спальню метеором влетела Анна, которая со слов Евы заключила, что Вернер по меньшей мере отдает концы.

– Что с тобой? – закричала Аня.

– Ничего, просто сбежал от этих вампиров, – ответил Вернер. – Пусть Ева с Моникой займутся уборкой, а ты посиди со мной. Тебе тоже не мешает отдохнуть. Только принеси мне сначала газету и очки. А потом закрой окно, становится слишком прохладно, и включи камин. И еще принеси мне таблетку от головной боли, стакан воды, только налей обязательно минеральной. А раз уж пойдешь за лекарством, найди заодно и мои таблетки от кашля.

Анна подумала, что, пожалуй, было бы лучше остаться внизу и убирать после гостей. И все же она раздобыла требуемое и принесла Вернеру.

– Ты у меня умница, – похвалил он ее. – Им наплевать, даже если бы я умер. Впрочем, что я говорю, они были бы рады!

– Ну что ты, – попыталась возразить Анна.

– И не спорь даже, – замахал руками Вернер. – Открой лучше окно, а то стало слишком жарко. И принеси мне вместо одеяла шерстяной плед. И кстати, дорогая, раз уж ты пошла в ту сторону, то не нальешь ли мне ванну?

Напустив воды в ванну, Анна наконец бросилась в кровать и сделала вид, что спит. Она никак не реагировала на призывные вопли Вернера, который сначала интересовался ее мнением о конфликте между Палестиной и Израилем, потом просил потереть ему спину, а в итоге появился из ванной комнаты сияющий чистотой и улегся рядом с Анной явно с недвусмысленными намерениями.

– Вернер, не надо, – попыталась образумить его Анна, но только сильнее распалила его.

Вообще Вернер вел себя как-то странно. Срывался вдруг с места и бежал голым к зеркалу, чтобы полюбоваться собой. Потом снова прыгал в кровать и лез целоваться к Ане. Так продолжалось около двух часов, Аня уже чуть ли не теряла сознание от такой активности, но внезапно Вернер захрипел, и лицо его сделалось кирпичного цвета. Затем он схватился за горло, словно ему не хватало воздуха, и стал издавать какие-то булькающие звуки, чем напугал Анну до такой степени, что она не могла сдвинуться с места. Впрочем, с места она не смогла бы сдвинуться в любом случае, потому что Вернер придавил ее своей тушей. Внезапно Аня почувствовала, как по телу ее жениха прошла судорога, а потом он затих и обмяк. Анна немного подождала, но, видя, что Вернер не торопится оставить ее в покое, сердито спихнула его с себя, и он с грохотом скатился на пол.

– Вернер, кончай ломать комедию, – раздраженно сказала Аня, подождав минуту. – Ложись в постель, пол холодный, ты простудишься.

Но Вернер не реагировал. У Анны тревожно заколотилось сердце, и она спрыгнула с кровати.

– Вставай! – энергично затрясла она Вернера за плечо.

Но жених не реагировал. Чтобы успокоить себя, Анна попыталась пощупать пульс, но ей это не удалось. Пульса не было.

– Чушь какая-то, – пробормотала Анна, попытав счастья с другой рукой, но картина была та же: пульса не было.

Припомнив, что делают в таких случаях, Анна помчалась за зеркальцем. Волнуясь, она плохо соображала, что делает, и никак не могла найти его. Пришлось подтащить Вернера к огромному потемневшему от времени зеркалу, стоявшему у стены. Пыхтя как паровоз от напряжения, Анна приподняла жениха и прислонила голову Вернера к стеклу. Но оно запотевать не желало. Анна почувствовала, как слабеют и разжимаются ее руки, и безучастно наблюдала, как голова Вернера стукнулась об угол трюмо.

– Умер, – прошептала она. – Чего я и боялась.

Сейчас, когда, кажется, сбылись самые мрачные ее предчувствия, Анна ощутила внезапный прилив сил. Сейчас нужно было найти необходимые слова, предпринять все меры к тому, чтобы отвести какие-либо подозрения от себя.

Напустив в ванну горячей воды, она добавила туда побольше пены и отволокла Вернера в ванную комнату.

– Прости меня, милый, – пробормотала Аня. – Но у меня нет другого выхода.

С этими словами женщина перевалила мертвое тело через бортик ванны, и оно плюхнулось в воду. После этого Анна тщательно вытерла пятна крови, оставшиеся на трюмо и полу, и присела на кровать. На глаза ей попался аспирин, который Вернер так и не выпил, и она с жадностью глотнула сразу четыре таблетки, думая, что это может ей помочь. Но неожиданно для себя Анна почувствовала легкое головокружение и непреодолимое желание полежать. А стоило ее голове коснуться подушки, как она уже спала.

Утром Анна проснулась поздно. За окном светило солнце, и Вернера почему-то не было рядом. Она удивилась, ведь уйти не попрощавшись было не в его привычках. Но утро было просто чудесное, в постели было тепло и уютно, и Анна подумала, что не так уж и плохо, что Вернер ушел, пока она спала. Он не задал ей работы на целый день. Представив себе, что он мог бы поручить ей разобрать гараж, который уже много лет использовался как склад для отжившего свое барахла, Анна поежилась. К тому же она вспомнила, что в доме было кому приготовить завтрак, и счастливо засмеялась. Словно только этого и дожидались, в дверь постучали.

– Вы встать думаете? – раздался голос Тома. – Мы с Евой хотели пригласить вас на прогулку. Погода чудесная.

Удивившись, что это Том вдруг проявляет к ней такое внимание, Анна тем не менее крикнула:

– Сейчас выйду, только умоюсь.

Нехотя выбравшись из-под одеяла, она, зевая и протирая заспанные глаза, прошлепала по залитому солнцем полу в ванную комнату. Распахнув дверь, она сразу же наступила на что-то холодное и влажное. Взвизгнув, Анна увидела, что это всего лишь мокрое полотенце, забытое на полу. Переведя дух, Анна подняла полотенце, отдернула штору на ванне и... Из ее груди вырвался истошный вопль, казалось, от него даже стекла в окнах зазвенели, а у нее самой заложило уши. В ванне, в воде, окрасившейся в приятный для глаз розовый цвет, лежал совершенно голый и уже изрядно посиневший Вернер. Немедленно вспомнив, что это она сама его вчера вечером сюда определила, Анна грохнулась в обморок рядом со своим несостоявшимся женихом.

Ева встревоженно подняла голову и сказала мужу:

– Это уже ни в какие ворота не лезет. Она заедит моего отца насмерть. Он ведь не молодецкий, а эта девица заставляет его скакать, словно призового жеребца. Ты только послушай

этот грохот. А визг! Ни одна порядочная девушка не станет так вопить без крайней необходимости.

– А может, у нее именно и возникла такая необходимость, – предположил муж, читая газету и поедая яйца, которые в этой семье традиционно подавались на завтрак уже не первое столетие.

Если в начале их совместной жизни Том еще пытался протестовать против такого меню, то теперь просто не обращал внимания. У него было достаточно других причин для волнений. Ева не лгала отцу, когда говорила, что без его поддержки им придется туго. Том зарабатывал не то чтобы мало, но все же недостаточно для того образа жизни, который его привлекал. И даже тот факт, что Ева тоже работала, положения существенно не менял. Бывают такие люди, которым сколько денег ни дай, все как в прорву. Деньги у них куда-то деваются, а когда приходит момент объяснить куда, вспомнить не могут. Так было и в этой семье. Все заработанное исчезало в казино, барах и ночных клубах, отказываться от которых Том не собирался. Естественно, после появления ребенка придется еще тратиться на няню, которая будет за ним присматривать, пока родители развлекаются. От этих расчетов Тому становилось грустно. К тому же Ева вбила себе в голову, что секс может повредить ее ребенку, и теперь Том с завистью прислушивался к шорохам у себя над головой.

– У меня сердце не на месте, – пожаловалась Ева. – Я пойду к ним.

– У тебя совсем нет чувства такта, – укорил ее муж. Однако Ева не стала его слушать и помчалась наверх.

Она осторожно постучала в дверь, но ей никто не ответил. Тогда, разозлившись, она постучала сильнее, а потом и вовсе забарабанила. Не услышал бы этого только глухой. Но тем не менее парочка голоса не подавала. Тогда Ева в приступе гнева двинула в дверь ногой, и, к ее удивлению, дверь тут же приоткрылась. Женщина осторожно просунула в образовавшуюся щель голову и осмотрела спальню. В комнате никого не было. Путем несложной дедукции Ева заключила, что ее отец со своей невестой принимают ванну. Но ванная комната была открыта, и оттуда не доносилось ни звука. Напрасно Ева напрягала слух. Ни плеска воды, ни голосов она не слышала. Все это было очень странно, а Ева с детства отличалась неумным любопытством. Она сделала шаг и оказалась в комнате. А там как-то незаметно оказалось рядом с дверью в ванную комнату. Ей удалось заглянуть внутрь...

Картина ей представилась на первый взгляд просто трогательная. В ванне лежал ее папаша, а на полу возле ванны, можно сказать у его ног, растянулась Анна. Только папаша был почему-то совершенно синий, да и его любовь цветом была немногим лучше. Ева пошатнулась и издала звук, от которого у Тома, завтракавшего внизу, выпала из рук газета, изо рта вывалилось недоеденное яйцо, а сам он подскочил на месте чуть ли не на два метра.

– А-ай! – визжала Ева. – То-о-ом!

Том одним махом взлетел по лестнице. Когда он ворвался в ванну, там уже снова было тихо. Вернер лежал в ванне, Анна на полу, а смертельно бледная Ева растянулась возле стены. Сначала Том решил, что его разыгрывают. После вчерашнего заявления тестя Том счел, что даже такая шуточка вполне в духе Вернера. Однако ему тут же все стало ясно, и Том не нашел ничего лучше, как упасть в обморок. А так как стоял он возле ванны, то и рухнул прямо в нее.

Анна пришла в себя от того, что на нее обрушился целый фонтан холодных брызг. Она приоткрыла глаза. В ванной комнате явно прибавилось народа. Анна быстро поднялась. Холодный душ способствовал некоторому прояснению в ее голове. Впрочем, особой радости это ей не доставило. Вдобавок к мертвому Вернеру в ванной она обнаружила его дочь и зятя, который почему-то плавал рядом с мертвецом. Рассудив, что вряд ли такое соседство понравилось бы Вернеру, Анна извлекла Тома из ванны. Положение было аховое, по сути дела, она осталась единственным живым существом в этом доме. Было от чего грустить. Анна положила

мокрого Тома на пол и попыталась удалиться подальше от этого жуткого места, но случайно задела Еву...

– Ай! – вскрикнула Аня, когда, казалось, бездыханная Ева пошевелилась.

Девушка открыла глаза и сразу же вцепилась в Аню.

– Что ты сделала с отцом?! – взвыла она. – Ты его убила! Куда собралась? Думала, что сделала свое дело и теперь сможешь смыться? Нет, сейчас я вызову полицию.

Анна отпихнула от себя озверевшую Еву.

– Вызывайте лучше врача! – крикнула она. – Я твоего отца не трогала. Должно быть, с ним случился удар, когда он принимал ванну.

– А где была ты? – завизжала Ева, потрясенная такой чудовищной наглостью. – Ты должна была услышать!

– Я спала, – пояснила Анна.

Но охваченная горем Ева вместо того, чтобы преисполниться благодарности за Аннину заботу об отце и ее доходчивые объяснения, продолжала сыпать обвинениями. Анне это наконец надоело, и она побрела вызывать врача. Вернер в первый же день оставил ей все необходимые номера телефонов, в том числе и своего лечащего врача, которого и вызывал, когда Анна грохнулась с лестницы. В данной ситуации Анне казалось, что это было не совсем то, что нужно, но лучше, чем ничего. И она набрала номер.

– Г-господин Ф-фридмен? – немного заикаясь, спросила женщина. – Э-т-то Анна – невеста Вернера. Нет, со мной больше ничего не случилось, то есть случилось, но вы мне не можете. Я звоню из-за Вернера. Дело в том, что он лежит в ванне весь синий и, кажется, уже умер. Не трогать его? Да я и не собиралась!

Повесив трубку, Анна минутку посидела, чтобы привести нервы в относительный порядок. И тут только заметила, что одета в тонкую кружевную комбинацию, в которой вчера завалялась спать, и поспешила наверх переодеться. В спальне она обнаружила, что на ее кровати лежала Ева и вставать не собиралась. Ванную комнату занял Вернер, а между ванной и спальней метался Том. Чувствовал он себя наверху как дома, чего нельзя было сказать про Аню. Ей с большим трудом удалось улучшить минутку и вытащить из шкафа пару колготок и джинсы. После этого ей пришлось ретироваться вниз, потому что взгляды, которые метали на нее страдающая Ева и ее муж, Анне что-то не понравились.

Доктор пришел очень быстро, он жил через несколько домов. Не спрашивая разрешения, лекарь прошел наверх, Анна последовала за ним.

– МерТВ! – констатировал врач, пощупав пульс у Вернера. – Черепно-мозговая травма. Должно быть, поскользнулся в ванне и ударился головой. Случилось это уже давно, вода в ванне совсем остыла. Часов пять назад как минимум.

Анна ощутила противный холодок внутри.

– Возможно, он пролежал тут всю ночь, – продолжил врач. – Анна, вы не помните, когда он пошел принять ванну?

– Откуда ей помнить, она же валялась пьяная без задних ног, – резко бросила Ева. – Алкоголичка!

Анна с трудом подавила в себе желание вцепиться этой стерве в волосы, но, вспомнив про свое хорошее воспитание и университетское образование, которое делает ее на голову выше этой особы, еле закончившей курсы машинисток, сдержалась. Она тихо и вежливо ответила, что за весь вечер выпила всего один бокал вина, чем вызвала одобрение господина Фридмена.

– Почему же ты ничего не слышала? – не отступала Ева.

– Да, – поддержал ее врач. – Это и в самом деле странно. Вы не пили никаких лекарств?

– Нет, – покачала головой Анна. – Хотя нет, стойте. У меня разболелась голова, и я вместе с Вернером приняла таблетку аспирина.

– Нельзя ли взглянуть? – попросил врач.

Анна отправилась вниз к аптечке, но, к ее изумлению, вчерашнего аспирина в ней не обнаружилось.

– Должно быть, кто-то из гостей взял, – предположила она. – Когда я отправлялась спать, внизу еще оставались Кати с Моникой и их кавалеры. А Том с Евой уже располагались в верхней спальне. Вернер дал им ключ, и они наводили там порядок.

– Жаль, – покачал головой господин Фридмен. – Но если этот аспирин найдется, я бы хотел на него взглянуть.

– При чем тут аспирин, если папа умер от удара по голове? – взвизгнула Ева, которая на глазах превращалась в точную копию своей сестрички. – Займитесь лучше своим делом, и давайте достанем отца из воды.

– Лучше не трогать до прихода полиции, – заметил врач.

– П-полиции? – прошептала Ева. – Зачем полиция? Это же типичный несчастный случай.

– Может, оно и так, но лучше перестраховаться, – сказал господин Фридмен. – Вернер не раз просил меня, чтобы в случае его внезапной смерти я провел самое тщательное обследование. А тут случай весьма подозрительный. Посмотрите, вы когда-нибудь видели такой цвет у трупов? А еще взгляните на эти сведенные судорогой пальцы и...

Но договорить ему не дали, родственники хором закричали, что ему, безусловно, виднее и пусть поступает как знает. Полиция прибыла одновременно с Кати и Моникой, которые с ходу обвинили Анну в убийстве. К счастью, у полицейских было на этот счет другое мнение. Они заподозрили в первую очередь самих родственников. Во всяком случае, после того, как узнали, что Вернер собирался развестись с женой и жениться на Анне.

– Он ведь на ней еще не женился, верно? – спросил полицейский. – Чего же ей его убивать? Согласитесь, что для того, чтобы совершить убийство, должен быть мотив. А где же тут мотив? Напротив, эта девушка только проиграла из-за его смерти. Ведь дом, как я понимаю, принадлежит теперь вам, а вы вряд ли захотите, чтобы она тут дольше оставалась.

Полицейский словно в воду глядел. Не успела за ним закрыться дверь, как в Аниной комнате появилась Кати и голосом, не терпящим возражений, заявила, что вся семья хотела бы видеть Анну внизу.

– Анна, надеюсь, ты понимаешь, что после смерти Вернера тебя тут ничего уже не удерживает? – спросила ее Моника, когда она спустилась вниз.

– Я и сама уже собрала вещи, но остался вопрос с билетом и похоронами.

– Мы дадим тебе денег на билет, – презрительно бросила Кати.

– Спасибо, – ледяным тоном поблагодарила ее Аня. – Билет у меня есть, а обменять его я смогу в любую минуту. Но сегодня нет самолета до Петербурга. А к тому же я хотела отдать дань уважения и остаться здесь, пока Вернера не положат в землю.

– Об этом не может быть и речи! – взвизгнула Кати. – Мало того, что ты его убила, так еще и на похороны хочешь припереться. Как ты смеешь? Там будут приличные люди. Убирайся из дома немедленно. Вон!

– Да, Анна, тебе лучше уехать сейчас же, – поддержала сестру Ева. – Том и я даже поможем спустить твои вещи. И конечно, ты можешь взять себе то кольцо, что подарил тебе папа, хотя раз дело не кончилось свадьбой, то... Но уж бери.

– Да, Вернеру было бы приятно, что мы оставили тебе его подарок, – сказала Моника.

Анна только плечами пожала. Ее уже давно не удивляло людское лицемерие. А насчет чувств, которые питали к ней эти люди, она никогда особенно и не обманывалась. Собрать вещи оказалось делом пяти минут. Она быстро побросала тряпки в свой вместительный чемодан, проверила, на месте ли паспорт и билет, и самостоятельно спустилась вниз. Все молча уставились на нее. Наверное, ожидали, что девушка начнет рыдать и умолять их помочь остаться в этой чудесной стране и не отправлять на холодную и голодную родину.

«Не дождетесь!» – с торжеством подумала Аня и взялась за дверную ручку. Но дверь распахнулась, и она чуть не вылетела на улицу. За дверью стояли трое. Два крепких молодца и маленький человечек с очками на крючковатом носу. Вглядевшись в расстроенное Анино лицо, он вдруг улыбнулся и спросил:

– Анна?

– Да, – кивнула Аня.

– Как хорошо, что я успел! – просиял человечек. – Как только мне сообщили о смерти господина Вернера, я сразу же бросился сюда. Это входит в мои обязанности. Пойдите, вы не должны уезжать, несмотря на то, что будут говорить эти люди.

– Вы кто? – спросила Аня, беспомощно оглядываясь на семью Вернера, в сторону которых ткнул пальцем человечек.

Родственники Вернера явно знали, с кем имеют дело, и это их ничуть не обрадовало.

– Я поверенный в делах вашего уважаемого жениха, – объяснил Ане человечек. – Господин Штольц.

Анна смутно припомнила, что Вернер и в самом деле упоминал как-то в разговоре с ней это имя.

– Вы нотариус! – догадалась она.

– Точно так, – просиял человечек. – Вы куда-то собрались, я вижу? Не торопитесь, уезжать придется кому-то другому.

– Что вы имеете в виду? – сердито осведомилась Моника. – Эта девушка больше не может здесь оставаться.

– Очень даже может, – резко возразил ей нотариус. – Отныне это ее дом, и она вольна сама решать, будет ли жить здесь или предпочтет какое-нибудь другое место.

– Ее дом?! – словно эхо повторила его слова Моника.

Обе ее дочери стояли смертельно бледные и сверлили глазами маленького господина Штольца.

– А что тут еще ее? – спросила Моника.

– Сейчас узнаете, – сказал господин Штольц, проходя в дом и деликатно оставляя двух своих помощников за порогом. – Дело в том, что вчера утром у меня в конторе господин Вернер в присутствии моем и еще двух поверенных уничтожил свое старое завещание и оформил новое. В соответствии с ним дом и две трети ценных бумаг и сбережений господина Вернера передаются его невесте – Анне.

– Это невозможно, она иностранка, – возмутилась Ева.

– Очень даже возможно, – хитро прищурился нотариус. – Вы, если не ошибаюсь, гражданство тоже сменили? Но вас это не остановило бы, завещаю отец все. Но не переживайте, вам тоже достанется приличная сумма.

– Ну да, которую нужно разделить на троих, – с горечью заметила Моника.

Тут уж вскипел Том.

– Почему на троих? – закричал он. – Делить будем на четверых, Еве полагается две части, ведь она скоро родит.

– Всего через каких-нибудь восемь месяцев, – ехидно заявила Кати и обратилась к нотариусу: – А где само завещание?

– Здесь, в доме, – ответил нотариус. – Я предложил господину Вернеру оставить его у меня в сейфе, но он сказал, что хочет порадовать свою невесту, показать ей бумаги. Он решил спрятать его в доме, чтобы постоянно иметь под рукой.

– И где именно? – спросил Том.

– Этого он мне не сказал, – смущенно ответил нотариус, и в комнате повисла неловкая тишина.

Мариша сидела в поликлинике со своим малолетним племянником и прикидывала, как лучше от него избавиться – сдать в детскую комнату милиции или самой лечь в могилу. Все возможные меры утихомиривания годовалого бандита были ею уже испробованы. Она связывала его по рукам и ногам, но уже через несколько блаженных и тихих минут, когда этот непоседа занимался своим освобождением, он снова деятельно принимался изучать мир. Сегодня этот разбойник изучал предметы, испытывая их на прочность. Для этого они бросались на пол до тех пор, пока не разбивались или ломались. Марише и в голову не могло прийти, на какие мелкие кусочки можно раздолбить картофелину, если долго колотить ею об угол стола.

Мариша огляделась по сторонам, и ее затрясло. Вокруг были дети, которые шумели, галдели и носились сломя голову. Ее племянник, несмотря на юный возраст, был необыкновенно подвижен и, передвигаясь на четвереньках, не отставал от остальных сорванцов. Именно этим он сейчас и занимался, предварительно убедившись, что сломать скамейки и пеленальные столики ему пока еще не под силу. Мариша в сотый раз вернула ребенка в очередь и в сотый же раз подумала, что если кто тут и болен, то это она.

– И зачем мне понадобилось приглашать Ленку в гости? – в бессильной злобе на саму себя прошипела Мариша.

Дело в том, что неделю назад заскучавшая Мариша пригласила свою двоюродную сестру на чашку кофе, чтобы та немного развлекла ее. Сестра, неверно поняв свою задачу, зачем-то притащила с собой своего ужасного ребенка. Потом, видимо, решив, что этого совсем недостаточно, чтобы окончательно отравить Марише жизнь, сломала себе ногу, упав с табуретки, когда полезла доставать проклятый кофе. Табуретка, конечно, тоже развалилась, но такие мелочи Маришу уже не трогали. И вот теперь Мариша была вынуждена возиться сразу с двумя и с тоской вспоминала, как ей было хорошо одной.

– Идиотка несчастная, – простонала она сквозь зубы. – Подумаешь, не могла немного поскучать. Зато теперь развлечений выше крыши.

Сломанная нога не позволяла Ленке двигаться, поэтому она осталась вместе с шустрим сыночком у Мариши.

– Ты такая добрая, – твердила она Марише. – Если бы не ты, меня положили бы в больницу, а с кем остался бы Сева? Ты же знаешь, что Роман не может с ним справиться. Муж всегда так занят.

Вскоре на горизонте появился и папаша, но тут уж Мариша встала насмерть. Ей и с двумя-то было не справиться. Поэтому она заявила, что если еще тут будет околачиваться Роман – бездельник каких мало, она просто переедет жить к Ленке, а они тут пусть сами разбираются. Роман вовремя понял, что ему грозит, и теперь ограничивался телефонными разговорами. Зато звонил он часто, и Лена долго и нудно жаловалась ему, как ей плохо и как плох Сева.

– Мамочка, у вас ребенок сбежал, – сообщила Марише какая-то сердобольная бабка. – Как бы с ним чего не случилось. Беги за ним скорей.

Мариша с трудом подавила в себе желание сказать этой бабке, что если кому и придется несладко, так это тому, кто попадется на пути маленького Севки, и покорно поплелась за ним.

На взгляд Мариши, более крепкого ребенка трудно было себе представить, но его мама считала иначе. Она была уверена, что если Севу не показывать хотя бы раз в пять дней врачу, то он неизбежно подцепит какую-нибудь смертельно опасную заразу. Мариша стойко держалась три дня, но сегодня бедняга сломалась и поплелась с совершенно здоровым и очень бойким Севой в районную поликлинику. Когда она отловила Севу, поправила ему перекрутившиеся колготки и утерла несколько раз нос и слюни, подошла их очередь идти к врачу.

– На что, собственно, жалуетесь? – нетерпеливо спросила врач. С порога Марина начала объяснять, почему привела постороннего ребенка, к тому же и прописанного в другом районе.

– Ест плохо, – чтобы хоть как-то оправдать свой визит, пробормотала Мариша.

Ел Сева и правда плохо, но вовсе не потому, что съедал мало. Уплетал он за обе щеки, но при этом изрядную толику пищи размазывал по всей квартире. И Марише приходилось потом тратить драгоценное время на то, чтобы отскрести кашу, кисель и т. д. от стен, ковров, пола, мебели и часов.

– И все? – удивилась врач. – А выглядит вполне упитанным. Может, вас еще что-то тревожит?

– А еще у него бывают приступы удушья и синие пятна по всему телу, – принялась вдохновенно придумывать Мариша, наконец сообразив, что может появиться шанс положить Севу на обследование в какую-нибудь клинику.

Врач немного изменилась в лице и достала ложечку, чтобы заглянуть в горло. Сева при виде опасности заревел так, что стекла задрожали, а сам, покраснев, в самом деле начал задыхаться.

– И давно у него такие приступы? – подозрительно спросила врач, закончив прослушивать Севу. – В карте что-то ничего не отмечено.

– Уже два дня, – бойко соврала Мариша. – Боюсь, как бы он ночью вовсе не задохнулся. Хрипит, понимаете ли, просто сердце замирает. И кашляет.

– Я бы предложила вам госпитализацию, – нерешительно сказала врач. – Но вы ведь не согласитесь. А между тем у вашего ребенка...

– Я согласна, – перебила ее Мариша. – Кладите скорей. Сегодня положите?

– Если есть места, – ошарашенно проговорила врач.

Таким образом, домой Мариша вернулась в приподнятом настроении. Места в больнице нашлись, и она сразу из поликлиники отвезла ребенка прямо туда, пообещав вещи завезти позднее.

– Это всего на пару дней, – утешала она себя. – А потом вернется их бабушка и возьмет дело в свои руки.

Однако дома Маришу поджидал новый удар. Дверь ей открыл Роман и жизнерадостно сообщил, что к нему нагрянули родственники из деревни в количестве шести голов и что жить он переезжает к ней. Во всяком случае, до тех пор, пока они не уедут. Мариша тихо взвыла и проковыляла на кухню, где плюхнулась на стул у стола, заставленного пустыми кастрюлями. Как и следовало ожидать, после появления Романа от обеда, который она приготовила на три дня, ничего не осталось. Мариша нашла немного каши, не доеденной Севой, и принялась с грустью ее глотать, поражаясь между делом, как такую гадость вообще можно брать в рот.

От тягостных раздумий ее оторвал телефонный звонок. Это был явно межгород. Решив, что, верно, прорывается к ним Севкина бабушка, Мариша поспешно схватила трубку. Но вместо ожидаемого родного голоса услышала голос тоже родной, но вовсе не теткин.

– Мариш, это ты? – спросил голос, по которому она без труда признала свою подругу – Аню, а ведь ей полагалось быть за тридевять земель отсюда...

– Я, – призналась Мариша.

– У тебя ведь виза оформлена? – внезапно поинтересовалась Анна. – Я помню, ты тоже собиралась ехать.

– Собиралась, и виза оформлена.

– Так приезжай, ты мне нужна, – зарыдала Анна. – У меня тут такое! Родственники Вернера ополчились против меня, но это все так – мелочи жизни, а главное, что мне самой тоже явно грозит смерть. Немедленно приезжай. Я тут сижу в огромном четырехэтажном доме совсем одна и держу оборону.

– От кого? – спросила Мариша, пытаясь представить себе эту картину.

– Приезжай, и я все тебе расскажу, – уже в голос прорыдала Аня. – Мне очень страшно. Ты моя последняя надежда.

Слышать это было выше Маришиных сил. Своих друзей она в беде не бросала. К тому же о Лене теперь вполне мог позаботиться Роман. А если не сможет, то и поделом ей, нужно было думать, за кого замуж выходить. Виза у Мариши была действительна еще три недели, деньги на билет тоже были, а стало быть, ей ничего не мешало отправиться в путь. А то, что ехать необходимо, Мариша поняла сразу, как только Аня произнесла первую фразу. У Мариши было какое-то чутье на всевозможные приключения и интриги.

Никто не угадал бы в теперешнем красавчике недавнего беглеца с обмороженными ногами и выбитыми зубами. Ноги теперь были обуты в крепкую белорусскую обувь, зубы вставил знакомый дантист, а самое главное – в кармане лежал загранпаспорт на имя Андрея Ивановича Сливко. Именно так звали его попутчика. Не задумываясь, мужчина взял себе его фамилию, а потом как-то незаметно и сам поверил в то, что он и есть тот самый Сливко.

Теперь его никто не смог бы остановить, он имел цель и рвался к ней. Целью был Мадрид, залитый лучами жгучего солнца, этот город притягивал к себе новоявленного Сливко словно магнит. С самого детства он мечтал жить там, любоваться знаменитой корридой, ласкать горячих испанок так часто, как ему этого захочется, и спать в тени апельсиновых деревьев. Сливко чувствовал, что сможет здорово пожить на не обложенных еще данью испанских просторах. Дань, разумеется, собирать будет он. Но до этого было еще далеко. Пока что необходимо просто добраться до Испании.

Через три дня, заполненных суетой и сборами, Мариша вышла в аэропорту из самолета и хмуро огляделась по сторонам. Германия ей не понравилась с первых же шагов. Все здесь было выверено с точностью до микрона, все службы функционировали с отвратительной пунктуальностью, и во всем чувствовалась идеальная упорядоченность. Уже после пяти минут пребывания на германской земле у Мариши стало сводить судорогой челюсти от безуспешных попыток сдержать зевоту.

– Ну ничего, – пробормотала девушка. – Я приехала, так что держись, Германия!

Для начала она устроила небольшой скандал по поводу якобы потерявшегося чемодана. Потом, когда он нашелся, на его боку таинственным образом появилось неприличное немецкое слово, написанное маркером. За это безобразие администрации пришлось раскошелиться и выплатить Марише две сотни марок: ей удалось уверить, что это дело рук немецкой стороны, так как российские хулиганы не настолько образованны, чтобы ругаться по-немецки. Администрация была в таком шоке, что даже не обратила внимания на маркер, выпавший из Маришиной сумки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.